

ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН

ПАВЕЛ КОРНЕВ
АНДРЕЙ КРУЗ

Приграничье

Павел Корнев

Ведьмы, карта, карабин

«Автор»

«Автор»

2016

Корнев П. Н.

Ведьмы, карта, карабин / П. Н. Корнев — «Автор», «Автор»,
2016 — (Приграничье)

ISBN 978-5-9922-2190-9

Приграничье – суровые заснеженные земли, вырванные из нашего мира. Большую часть года там царит стужа, лишь в мае приходит долгожданное тепло. Но весеннее потепление обманчиво, подтаявшие днем сугробы с заходом солнца покрываются коркой льда, и столь же обманчивы улыбки и обещания. Люди не меняются. Те, кто привык убивать долгими зимами, без малейших колебаний выстрелят в спину в любое время года; нужен только повод. А повод есть. Попавшая в руки Николая Гордеева и Вячеслава Хмелева карта скрывает секрет, за которым идет самая настоящая охота. И как им быть: пытаться справиться в одиночку или привлечь на свою сторону нового игрока? Ответ вовсе не очевиден.

ISBN 978-5-9922-2190-9

© Корнев П. Н., 2016

© Автор, 2016

© Автор, 2016

Андрей Круз, Павел Корнев

Ведьмы, карта, карабин

Клондайк

24 апреля, пятница

Любая зима заканчивается, рано или поздно. Она заканчивается даже здесь, в Приграничье. Все же скорее поздно, чем рано, но могло быть и хуже, учитывая обстоятельства. Весна в Форт обычно приходит в конце апреля, когда температура резко перескакивает днем в плюсовую и сугробы вдруг дружно берутся таять, заливая улицы мутными лужами и текущими в них такими же мутными ручьями, а с дорог слезает накатанная наледь, открывая выщербленный асфальт с выбоинами и грязью. Грязь вообще начинает доминировать в природе, но после долгой зимы все даже ей рады. Хотя бы разнообразие. А то все снег да снег кругом. И холод.

Главный для меня признак весны – крыльцо соседнего паба, на котором его посетители курили. Курили они теперь не быстро, стараясь схватить дозу никотина и как можно быстрее убежать в тепло, а неторопливо, с беседами, хотя и ежась под все еще холодным ветром. Прохожие оделись легче и даже шли как-то веселей, старательно обходя лужи, неподалеку бригада мужиков в оранжевых жилетах ломami разбивала наледи. То есть на самом деле весна, а скоро начнется еще и недлинное местное лето.

Сам я с утра посбивал сосульки с края нашей крыши и даже был настолько благороден, что захватил и территорию Хмеля – моего друга-приятеля, партнера, а заодно и соседа. Пусть у нас всего два этажа, но сосульки были уже такими, что попади в башку – никому мало не покажется.

Я обернулся, посмотрел в торговый зал, словно чтобы в очередной раз убедиться, что все в порядке. А там и правда все в порядке – застекленный шкаф, в котором ровным рядом стоят дробовики и винтовки, прилавки с пистолетами и револьверами, полки с патронами в коробках. Под стеклом ножи, кобуры, ремни винтовочные, стендик с охотничьим камуфляжем всех видов, на крючках рюкзаки висят и чехлы. Слева еще прилавки и стеклянный стенд – там уже чародейские амулеты, у нас тут как бы торговля двойного назначения.

Для солидности все сделано в эдаком викторианском стиле, то есть темное дерево, местами бронза, панели на стенах. И там же головы всякой хищной твари висят, чтобы вроде подчеркнуть назначение магазина, который именуется «Большая Охота». Вон сугробник осклизшийся, вон серк, вон волколак редкой крупности. Стойка с проспектами имеется опять же, проспекты рекламируют охоты с фирмой «Следопыт», а заодно заранее приглашают на «охотничью базу «Северный хутор». Правда, она еще не достроена, но ничего страшного. И в буклетах нигде не сказано, что хутор этот в свое время был вампирским гнездом, но знать об этом вовсе и не обязательно.

– Николай Саныч, а какие-нибудь чародейские коврики нельзя завести, чтобы всю грязь с подошв вытягивали?

Это Димка Смирнов орудует шваброй, вытирая грязь с полированного пола после визита очередного посетителя. Димка – племянник Смирнова, который замначальника городского Арсенала. Раньше сам там работал оружейным мастером, а потом, по просьбе дяди, понятное дело, перешел ко мне. Продавцом, помощником и вообще всем подряд, потому как часто мы в разъездах, особенно с тех пор как вступили в резерв Патруля, и каждый раз закрывать магазин уже нельзя, плохо для бизнеса, – вот и нанял человека.

Димка невысок, шустр, лицом кругл и носом курнос, работа ему здесь нравится, к тому же он тут не только продавцом, но и по железу работает – умеет.

– Грязь, Дмитрий, это единственное, чего никакая магия не берет, – наставительным тоном отозвался из своего угла чародей Саня, читавший сейчас «Вечерний Форт», сидя за при-

лавком. – Она, считай, сама по себе магия. Или будет этот коврик отрывать ее вместе с подошвами. Так что не отлынивай, швабра – она лучшее средство, проверено.

Ничего-ничего, у нас тут не Кишка, где люди прут без остановки, у нас самый дорогой оружейный в городе, посетителей умеренно, так что можно и шваброй поелозить. Сейчас как раз еще человек подъедет, опять натопчет. Я посмотрел на часы – считай, прямо на сейчас договорились. Собственно говоря, я именно поэтому стою в дверях магазина с чашкой кофе в руке – и весной наслаждаюсь, и посетителя жду.

А вот и они – из-за ближайшего поворота вывернул потрепанный ЗиЛ-131 с тентом, рыкнул двигателем, неторопливо подкатил к крыльцу магазина и остановился. Водитель быстро опустил стекло и махнул мне рукой.

– Здорова, Толь! – я подошел ближе и протянул руку. – Как дела?

– Да у нас как обычно все, здравствуйте!

Пока здоровались, с пассажирского места выбрался второй человек – средних лет лысеющий дядька с короткой бородой, плечистый и приземистый.

– Николай Александрович! – протянул он мне руку.

– Рад видеть, Валерь Палыч, проходите.

Валерь Палыч – знакомый новый. А познакомил нас Толя, водитель и хозяин этого «зилка», с которым мы познакомились в январе совсем случайно и которого я так же случайно встретил в Форте примерно через месяц, уже в компании моего нынешнего собеседника.

– Толь, давай тогда в промзону, – повернулся он к водителю, – а как загрузишься, за мной возвращайся.

– Я понял, – кивнул тот.

«ЗиЛ» тронулся с места и неторопливо укатил, Валерий вошел в магазин, а Димка закрыл за ним дверь, не забыв задвинуть засов. У нас тут все же оружейный, так что лучше сперва звонить в дверь и ждать, пока запустят.

– Кофе? Чаю? Покрепче? – практически традиционно поинтересовался я.

– Да не, сейчас не буду. Потом лучше вас туда, за стенку приглашу, – махнул он рукой в сторону паба. – Толя раньше чем через два часа не вернется.

Ну да, нам еще и поговорить надо.

– Тут мы для вас все приготовили, – я зашел за прилавок и полез под него, вытаскивая и выкладывая кожаные чехлы с оружием. – Четыре «рема» с длинными, на птицу, – я начал открывать один чехол за другим, – четыре «браунинга» десятого, длинные, короткий «рем», короткий «браунинг» и «вепрь», – я вытащил похожий на автомат дробовик из чехла. – «Вепря» себе, что ли?

– Ага, – кивнул Валерий. – Для себя.

«Вепрей» у меня никогда в продаже не было, потому что в Америке, откуда мы тащим товар, их доставать стало проблематично. Но с тех пор как у нас образовались некие отношения с Ильей Линевым, заместителем воеводы, курирующим всякие «специальные операции», включая коммерческие, эти ружья начали подкидывать из России, на усовершенствование и реализацию.

– Как с разными патронами работает?

– Нормально, проблем нет, я слишком слабых навесок избегаю, – ответил я, выкладывая стопкой шесть магазинов рядом. – Рукоятки и цевье всегда теплые, заблокировать оружие заклятием невозможно, – я провел пальцем по выгравированным на боках ресивера рунам. – Сам такой за основной держу.

Не соврал, так и есть. Все же возможность перезарядки магазинами и быстрой смены типа боеприпаса – великая вещь. Было в прошлом, сильно жалел о том, что в руках помпа, а не такой вот «вепрь».

– Своим берете? В Ключи, в смысле?

– Нет, староверам.

– А у них деньги есть? – спросил вдруг из своего угла Саня, услышав разговор.

– Товар у них. Деньги от беса, – засмеялся Валерий. – Лед сойдет с реки – и приплывут. У меня про то и разговор к вам.

Староверы в Приграничье были всегда. Как провалилась сюда территория Форта, так и они вместе с ней провалились. Как жили в той действительности в тайге своими селами вдоль реки, так и тут жить остались. И как бирюками были – так и продолжали, ничего не изменилось. С остальными контактировали по самому минимуму, торговали только с Ключами, через которые текла Светлая, отличались трудолюбием и изрядной зажиточностью. Сам я их всего раз видел – люди как люди, только в коже вроде какой-то синеватый оттенок проглядывает. Это уже мутация, у них много северных продуктов и в корме для скота, и в своем рационе.

Валерий же как раз с торговли со староверами поднялся. Сам он не из местных, провалился, жил в низовьях Енисея, где староверов хватало, вот как-то и сумел найти общий язык с ними, присел на торговлю.

Он быстро осмотрел оружие, пересчитал коробки с патронами, после чего оставил на прилавке свое удостоверение личности, сказав:

– Ну что, пойдем пока побеседуем?

– Дим, регистрируй, пломбируй и пакуй, – тут же отдал я ценное указание новому сотруднику. – Загрузим, когда машина вернется.

Где у нас переговорная? Правильно, в пабе у Хмеля. Туда и направились, благо идти с пару дюжин шагов, я уже даже и одеваться не стал, как был в свитере – так и вышел. Весна, как-никак. И опять же новые ощущения – под ногами тающий снег хлюпает, а не скрипит, как в мороз. Да, и курильщики с крыльца так никуда и не делись. Не столько курят, сколько пытаются первого тепла схватить побольше. Если это, конечно, можно назвать теплом. Но после тутошней зимы – можно. Очень даже вполне.

Дверь на тугой пружине открылась, негромко звякнул колокольчик над ней. Ага, Иван Грачев за стойкой, махнул рукой приветственно. Паб по стилю вроде моего магазина, потому что их один и тот же человек делал. И выглядит вполне по-британски, даже стиль соблюден – именно паб, а не бар вообще. Темновато, но тихо и уютно. Музыки нет, к счастью, в обычные дни, курить тоже не дают.

Про Ивана отдельно. Это такой молодой человек ростом за два метра и весом к полутора центнерам, наверное, в свое время боксирующий активно, о чем свидетельствует форма носа. Об увлечении еще и борьбой говорят расплюснутые уши, а о том, что были и другие приключения, – перерезанное почти пополам и кривовато сросшееся ухо. К Хмелю он барменом пришел работать, а сейчас еще и младшим партнером стал. Не то чтобы Хмель это планировал, но пришлось привлекать Ивана к нашим недавним приключениям, так что оставлять его просто в наемных работниках было уже нечестно да и неразумно. Иногда людей нужно мотивировать дополнительно.

– Здорова, Вань! – подошел я к стойке. – Главнокомандующий у себя уже?

– Приезжал и сразу укатил, часа через два будет, наверное. Поедите?

Я вопросительно посмотрел на своего спутника, тот кивнул.

– Да пора бы, – повернулся я к Ивану. – Что есть?

– Зразы картофельные с мясом, – сказал тот. – Хотите? Котлеты с картошкой.

Меню в пабе разнообразием не отличалось, два или три блюда в день, ну еще пара закусок. Но в течение недели все же набор менялся. Так что я сюда в основном на обед и ходил.

– Зразы, – сказал Валерий Палыч.

– Зразы, – повторил я за ним, хотя обедал я обычно позже. – И кувшин пива. Или чего-нибудь другого хотите? – спросил я у своего спутника.

Вообще-то для пива пока тоже рановато, но мой спутник явно еще и на собутыльника намекнул. Ладно, одна кружка не повредит. Ну, две, если кувшин.

– Я еще соточку приму, – сказал тот. – А вы?

– Нет, я мешать не очень люблю, спасибо за предложение, – отказался я.

Иван выставил два пустых бокала, быстро накачал эля в кувшин, поставил рядом, добавил к этому крошечный графинчик и лафитник.

– Еду сам принесу, садитесь.

Пара столиков-кабинок была свободна, в одну мы и втиснулись.

– Это что? – спросил Валерий, подняв графинчик.

– Самогон. Но хозяин гонит сам, на травах настаивает, так что лучше водки. – Сам я при этом наполнил бокалы.

– Тогда к еде оставляю.

Подняли бокалы, чокнулись, отпили. Валерь Палыч с неким удивлением поднял брови, кивнул, затем сказал:

– А нормально, не хуже нашего!

– Да, хозяин здесь на этот счет молодец, сам пивоварит.

Тут опять же пояснить надо, что Валерий Павлович из Ключей, то есть центра пивоварения всей области. И пиво у них хорошее, и продается шире. Хмель же особо помногу не варит, подает лишь в своем пабе и в два клуба поставляет, больше его нигде не найдешь. Поэтому и знают меньше. Кстати, отчасти по делам Хмеля у меня и разговор сейчас намечается.

– Вы тогда снежную ягоду поминали, – перешел я к делу. – Можете в товарных количествах поставлять?

– Я не могу, староверы могут. Ее помногу особо не брали, и всегда зрелую, в еду и все такое. А вы недозрелую спрашивали, так?

– Так, – подтвердил я. – Кислая нужна, пока она еще желтая, в белизну не пошла.

– Думаю, что поставить они могут сколько-то в этом году, сколько соберут за май-июнь, – он задумчиво прищурился. – А вот на следующий, если вам реально много надо, следует договариваться. Они же не только сбором ягоды там занимаются, они вообще с земли и с реки живут, так что дел у староверов хватает.

– Надо понять, сколько они вообще могут.

– Почему брать будете? Они ведрами меряют, не килограммами. Килограмм тоже от лукавого, – хмыкнул он. – У меня с ними торговля меновая, но вам уже сам буду продавать.

– Посмотрим, что за цену Лудино выкатит в этом году, они по снежной ягоде главные. И такую же дадим.

– У них ягода хуже.

– Не замечал. И поставлять они могут начать раньше, им же не надо ждать, когда лед сойдет.

– Если получится по три рубля за ведро – мне есть смысл заниматься, если нет, то как бы и нет. У меня вот какой вопрос к вам есть: вы лодочные моторы привезти можете? Говорили люди, что вы всякое железо поставляете, вот и хочу поинтересоваться.

– Лодочные моторы? – задумался я. – Почему бы и нет. Если будет спецификация, что именно нужно, и в цене сойдемся.

На Аляске это товар, там воды много, и океан, и реки, и рыбаков хватает. Так что моторов продается много, и есть они везде. Как и лодки, кстати.

– Староверы их хорошо берут и всегда заказывают.

– Много лодок?

– Да много, получается. И рыбу ловят, и к нам в Ключи ходят, и до озера катаются.

– Озера?

– Ну, река-то куда-то должна впадать, верно? – даже слегка удивился моему вопросу Валерий.

– Ну да, должна, – согласился я с ним.

И вправду.

Вообще-то в «Фортовской области» две реки, обе берут начало из болот, каких тут немало. Но вот куда они текут... черт, а существующие карты так далеко не заглядывают. Лесная течет на восток, больше именно что лесами, заходит через границу на территорию Туманного и куда-то там дальше петляет. А куда? А черт его знает. Светлая же течет на запад, уходит в тайгу, и опять никто конца ее не знает. В тех краях кроме староверов и не бывает никого, а они своими знаниями принципиально не делятся.

Почему так? Да потому что люди здесь больше выживали, а чтобы выжить, сбивались тесней. Не было смысла далеко ходить, тем более что в те времена машин тут почти и не было, все на своих двоих, в крайнем случае на лошадях да санях, или там телегах. Хотя те же братья у себя в Туманном бродят по всяким пустым и заброшенным поселкам, вроде там даже заброшенные военные базы есть. А что на западе? А вот этого вообще никто не знает, окрестности Южной дороги по сути и есть край исследованных земель, если в ту сторону смотреть.

– В озере они рыбу ловят в сезон, как я понимаю. Сети они тоже хорошо берут. К осени, до ледостава, обычно кучу рыбы привозят.

Ну да, про рыбу я знаю. Но как-то всегда думал, что она из реки. А если точнее, то я вообще об этом думал мало, как бы не мой профиль. Но вот что-то озеро заинтересовало.

– Озеро-то большое?

– Говорят, что большое, другого берега не видно. Но я там не был.

Хм, озеро. Озеро – это что-то из нормальной жизни для меня. Озеро я только одно здесь знаю, хоть сам на нем и не бывал, – Стылое море. Но оно на Севере, за границей, и морем зовется потому, что противоположного берега никогда не увидишь из-за колдовского тумана над ним, хотя само по себе оно небольшое. И водится вокруг мерзость разная, так что гулять туда не пойдешь.

– А список моторов у меня есть, – Валерий вытащил из кармана сложенный листок бумаги и протянул мне. – Они всего два варианта обычно просят, я бы взял с десятка заранее. Штук по пять каждого.

Я глянул мельком, убедился в том, что никаких чудес в списке нет, все самое обычное, и убрал его в карман.

– Попробую заказать, – не стал я разбрасываться обещаниями. – Через пару недель смогу ответить.

– Я раз в неделю в Форте сейчас, так что буду позванивать.

Иван принес тарелки со зразами, поставил перед нами и ушел обратно за стойку. Валерий Палыч наполнил свой лафитник, выдохнул, замахнул залпом, закусил, закивал, похвалил.

Толя с «зилком» вернулся чуть раньше, чем ожидался, но обед мы к тому времени все равно уже закончили, четыре зразы на час или больше при всем желании не растянешь. Димка все продажи оформил согласно, так сказать, действующему законодательству, заблокировав все оружие, раз оно идет на вывоз, и на этом мы с Валерием и попрощались.

– Саня уехал? – спросил я у Димки.

– Да, минут двадцать назад. Сказал, до утра не ждать.

– Да кто его ждет, – отмахнулся я, потом глянул на часы.

До обеда оставалось двадцать минут.

– Давай, можешь на обед идти, – сказал я. – Все равно здесь сижу. Но жду вовремя.

– Отлично! – обрадовался он, вытащил из кобуры револьвер, откинул барабан, убедился, что полный, убрал обратно, затем схватил с вешалки свою куртку и тут же исчез за дверью.

Разрешение на ношение у него еще со службы в Арсенале, а дядя помог организовать все так, что он его не сдал после увольнения. А револьвер купил уже здесь, у меня, в рассрочку. Отчасти еще и поэтому я его нанял – мало ли?

Я пока спустился в подвал, в мастерскую. Тут тоже все прибрано и по местам расставлено и разложено. Уже завтра с утра сяду за работу, а то за последний месяц времени много потерял. Когда у нас на новогодние праздники проблемы были, Лихачев нас на дежурства не ставил, зато за последний месяц мы в рейдах все отработали. А работу за меня никто не сделает. Хорошо, что Димку нанял, прямо спасение. И торговый зал «прикрыт» в любой момент.

Интересно, Хмель уже вернулся или нет? Он мне там кое-что разузнать обещал, по своим каналам. Что именно? Вот если к Хмелю в бар зайти с самого утра, то можно застать момент, как он пьет таблетки, семь штук, в какой-то хитрой последовательности. С его слов, когда-то под заклятье случайно попал, которое его энергетику в клочья порвало. Спасло Хмеля знакомство с каким-то таинственным химиком, которого я по сей момент знать не знаю. Тот ему пилюльки подогнал, которые эту самую энергетику вместе, одним куском, удерживают. И вот недавно Хмель вдруг выдал мысль о том, что тот же его контакт может и под меня пилюльки изготовить.

А мне зачем? Ну, я чуть-чуть мертвый. Совсем немножко. Застрелили меня когда-то, в том, нормальном мире. Причем совершенно случайно, что особенно обидно. Хорошо, что все случилось рядом с проходом, в который меня затащили и уже здесь, в Приграничье, обкололи всякими магическими снадобьями. С того света выдернули, но опять же энергетика погнулась. Вот кондуктор может меня на ту сторону, на Аляску провести, но я там довольно быстро загнусь. А если не загнусь, то заболею.

В общем, Хмель с Ириной повезли меня в больницу. Там какой-то мужик с татуировкой «Хирург» на тыльной стороне кисти уложил меня в обрезок трубы, увитый проводами и обвешанный магическими датчиками, где и продержал без малого час. Потом попыхтел, задумчиво почесал затылок, заранее убеждая меня в том, что случай я безнадежный, потом сказал:

– А вам лечиться просто надо. Тянуться будет долго, но должно сработать.

Потом он еще минут тридцать заполнял карту, а затем Ирина сняла мне с нее копию в регистратуре. Копию забрал Хмель, чтобы показать таинственному кому-то. Кому именно? Как я уже сказал, мы не встречались. И не надо нам встречаться, потому что... ну не суть, не надо – и все тут. Но дней десять назад Хмель зашел в магазин, отозвал меня и сказал:

– Говорят, что сделают тебе пилюли. Сначала денег ломануть хотели, потом по себестоимости взяли, – чуть погордился он. – В общем, с тебя шестьдесят рублей, через неделю будет готово.

И этим очень Хмель меня порадовал.

Если бы как-то можно было эту проблему решить и дать мне возможность продержаться на той стороне какое-то время – было бы ну очень хорошо для бизнеса, потому что этот бизнес, по большому счету, так через меня и идет. И еще надо бы порешать некие проблемы с оборотом наличных долларов. Я везу туда наличку теперь, особенно с тех пор как стал работать с Линевым. А ведь Америка не совсем то место, где наличными, «бумагой», удобно оперировать. Можно нарваться на проблемы, так что надо тихо строить систему ее оборота. Иначе налоговики из IRS вцепятся зубами в загривок – и вся наша замечательная схема полетит в сортирную яму.

Ну и главное – Мила сейчас там. Она там и живет в моем доме. Мы ее переправили практически сразу после того, как она вернулась, – там безопасней. Но мы не видимся. Если будут целебные пилюли – хотя бы раз в пару недель будем встречаться. Чего мне очень хотелось бы.

Открыл один из металлических шкафов – в нем три десятка пистолетов, с ними еще работать надо, гравировать и щечки менять. Кстати, щечки, как и другие деревяшки, завтра с утра доставить надо. А мне лучше заранее чек выписать и Димке оставить.

Пистолеты сплошь «Ruger SR1911», один из вариантов известного кольта М1911. Кстати, добротные сделанные и главное недорогие, мне всего в семь сотен каждый обходится на той стороне, и их три вида: длинный, с пятидюймовым стволом, покороче, «коммандер», со стволом в четыре с четвертью дюйма, и опять длинные, с «рельсом» под фонарь или ЛЦУ. Но у меня на них чуть другие планы, не под фонарь, Саня все же обещает соорудить чародейский глушитель. Давно обещает, правда, очень давно, некогда ему. И вот этот глушитель на этот рельс и будем цеплять.

А вообще «Ругер» делает все грубовато, зато из стали. На сталь рунная магия Сани ложится лучше всего.

Так, сейчас начну с тех, что с рельсом. И на Саню наеду – сколько можно уже тянуть? Я же прекрасно знаю, что сделать глушитель он может, а он прекрасно знает, что я об этом тоже знаю. Но ленивый, блин... Кстати, он на «ниве» повадился кататься, типа она простаивает, а «нива» Милы, а Мила, чтобы ее купить, продала мой «шеви», то есть по факту Саня за нее мне должен. Так что пусть глушитель делает. Во искупление, так сказать.

Что еще? Ага, на «пустышки» же заказ, надо завтра будет наснаряжать. Десятый калибр – это для СЭС городской. Если в зале день будет тихий, то Димку приставлю. СЭС – заказчик хороший, берут они помногу, так что для них все всегда в первую очередь. Ну, во вторую теперь, после Линева, но для Линева я уже все сделал, три дня назад передали по списку. Кстати, на удивление хорошо заработали. С этими заработками о чем-то новом можно начинать думать. А если еще и с пилюлями получится...

Так, в размышлениях и работе, засиделся до вечера. Работа тихая, но затягивающая. На полированных боках затворов по лекалам прорезались узорчатые руны, дальше Санина работа наполнить их магией. Наполнится – и будет этот пистолет нечувствителен ко всем заклятиям, блокирующим оружие. Их много, заклятий таких, но с нашими стволами не работают.

Когда почувствовал, что спина и плечи затекли, покосился на чайник. Чайку заварить, что ли? Или нет, пойду уже в паб, дождусь Хмеля, если он еще не пришел. А может, и пришел уже. А может, у него и новости есть для меня. Значит, закрываю все и иду. Рабочий день закончен, к слову, семь часов уже, так что магазин закрыт до завтра.

Хмеля я увидел, когда к дверям паба топал, на этот раз через наш общий задний двор. Он как раз в каретный сарай, который служил гаражом, загонял свой пикап. Я подождал, потоптался на мокром снегу, напомнив себе самому, что надо срочно браться за расчистку двора, а то тут пруд скоро возникнет. Хмель между тем запер ворота и направился ко мне, на ходу протягивая руку.

– Здорова, Слав! – поприветствовал я его. – Говори, не томи.

– Все нормально, ты заходи давай, – он отпер передо мной задний вход в паб. – Пошли в бар сразу, Иван пусть машину разгрузит.

Я не возражал, в бар так в бар. Народу там, к слову, уже прибавилось, но табуреты за стойкой были все свободны, что-то народ все больше компаниями подтянулся. Компании уже все знакомые, так что пришлось тут же и здороваться. Патрульные, два дружинника, три молодых колдуна в дальнем углу, группка торговцев из Кишки. Новых лиц нет.

– Вань, машину разгрузишь? – спросил Хмель, заходя за стойку. – Нам с Колей переговорить надо срочно.

– Не вопрос, дядя Слава, – пожал плечами Иван. – На кухню все тащить?

– На кухню. Ушла тетя Маша?

– Минут двадцать как, – Иван покосился на часы. – Ладно, говорите, но лучше так, чтобы мне потом опять срочно квартиру на Северной не искать, – съехидничал он напоследок.

Мы только хмыкнули в ответ.

– Накачать? – взявшись за рычаг насоса, спросил Слава скорей из дежурной вежливости, потому как положительный ответ подразумевался по определению.

– Лей, – немедленно согласился я.

Хмель налил мне бокал и себе половину. Он всегда себе половину наливает, даже если потом выпьет вторую половину, третью, четвертую и так далее.

– Смотри, – отхлебнув пива, он полез в поясную сумку и вытащил три пластиковых пузырька с таблетками. – Вот эти, желтые, надо принимать сразу, как там окажешься, одну в день, и потом с утра по одной, пока там. Синие, вот эти, – он выставил второй пузырек, – принимай перед сном. Тоже только там. И вот эти, красные – две штуки здесь, перед проходом. И сразу после перехода обратно еще одну. Понял? Запомнил?

– Сработает?

– Говорят, что должно. Если вдруг начнешь чувствовать головокружение, кровь носом пойдет, давление прыгнет – сразу пусть Платон тащит обратно, значит, не работает. Заскочишь обратно и примешь две синих тут же, – он щелкнул ногтем по крышке пузырька. – Даже если сработает, больше недели там быть не следует, мне сказали. Это не лекарство, это типа стимулятора, костыль. Больше недели пить не рекомендуется, для желудка это все сильно не очень.

– Я понял, – пузырьки перекидывали в боковой карман брюк. – Если даже так сработает – лучше не придумать.

– Больше товара?

Это скорей намек. Славе вариант «ходить два раза реже» не подходит, у него товар ждут с определенной частотой, и делают его, похоже, тоже ограниченными порциями. То есть для них скорость оборота важна. Что за товар? Да таблетки, все таблетки, магические, но только такие, какие часть своей силы и за ленточкой сохраняют. Курс лечения такими таблетками спасает от самых нехороших болезней. Другое дело, что никакой и ничей Минздрав их в оборот не пропустит, поэтому и по ту сторону сплошная конспирация. Я бы про это и знать ничего не знал, но пришлось им со мной информацией все же делиться малость. Как уже сказал, вся товарная часть обратных поставок через меня идет.

– Да, в два раза, считай.

– Я с вами до Лудина скатаюсь.

– За ягодой? – уточнил я.

– За ней.

– Я с мужиком из Ключей говорил, староверы тоже готовы ягоду поставлять вроде как, – вспомнил я. – Но они раз или два завезут оптом – и все, жди следующего сезона. Поэтому со зрелостью как там – я до конца сам не понял.

– Да нормально, нам и на сироп, и на спирт, любая подходит.

Слава по ходу дела с Гельманом из Патруля договорился до чего-то, отчего вдруг стал владельцем их старого здания. Штаб-квартиры Патруля в смысле. Серьезного такого домины в четыре этажа, с огромным сводчатым подвалом. Впрочем, он по-тихому сказал, что ему на самом деле принадлежит только подвал, так что кому этажи – это и так понятно.

В Форте экономический рост во всю ширь идет, к слову. Этим бы надо пользоваться по максимуму. Увеличить поставки в два раза – это хорошо, конечно, но опять же не избавляемся от зависимости от единственного кондуктора – Платона. Надо срочно что-то еще делать. Проект с хутором – он вообще-то маленький проект, кустарщина, с него много не заработаешь. Есть одна идея, но пока что это именно идея...

– Когда едете снова? – спросил Хмель.

– Дюпре нас в четверг ждет.

– На этой неделе? – уточнил он.

– На этой.

– Хорошо, тогда Ивана на хозяйстве оставляю.

– Мы тебя с Брюхатым там сведем, а он тебя уже дальше представит, кто там у них ягодой занимается.

Договорили, потом Хмель засуетился и куда-то по своим делам рванул. Да и у меня дел хватает.

Зимой машина все больше чистая в Форте остается, снег со льдом на дорогах, а вот сейчас как выедешь – так и уляпан по стеклу. Джип вроде черный, но только это уже с трудом угадывается. Однако в любом случае ехать – это не пешком идти. Главное – смотри, чтобы прохожих не забрызгать. И нехорошо, и народ у нас нервный, могут по-всякому отреагировать.

Да, теперь джип, «Гранд Чероки», пикап все же ушел Диего, как и было ему обещано. А джип мне понравился. Во-первых, мотор – рядная шестерка в четыре литра, он у них вообще удачней восьмерки был, и жрет меньше. Во-вторых – очень удачный «лифт». И в-третьих – силовые бамперы с кенгурятником и лебедкой. А самое главное – пробег для такой немолодой машины на удивление небольшой. В общем, так и сменил городской транспорт. Неудобен мне пикап, как оказалось.

На перекрестке с Кривой свернул налево – и почти сразу на боковую, на территорию Патруля. На КПП меня в лицо знали, я все же еще и всеобщий инструктор по стрелковой, так что пропустили без всякой проверки. За КПП вновь направо, огибая краснокирпичное трехэтажное здание, на отдельную стоянку у отдельного крыльца, к штабу резерва. Ага, вон «уазик» Лихачева стоит, у него он военного образца, не «хантер», как у остальных военных начальников в Форте, еще вон вполне свежий «урал» с кунгом, я его раньше здесь видел, а вон и тот самый грузовик «Егерь», на котором нам когда-то засаду учинили. Изъяли как вещдок, да так тут и остался. Надо бы будет вообще-то его дальнейшей судьбой поинтересоваться. Хороший грузовик, а стоит без пользы.

На крыльце двое резервистов курят, оба из охотников, насколько я их помню. Одного Василием зовут, который постарше, со шрамом на лице, второго имя забыл, хоть он и представлялся когда-то. Поздоровались за руки.

– Весна? – задал риторический вопрос Василий. – Болота таять начнут. Сейчас в рейды погонят.

– Да я из рейдов и не вылезал последнее время, – усмехнулся я.

Это да, как болота от талой воды вспухнут – из них сразу всякая дрянь прет. Сам Патруль с такими выплесками не справляется, людей не хватает. Кто-то даже сказал, что вся идея формирования резерва из бывалых людей возникла больше как раз из-за этого, а не внутренней политики, как я раньше думал.

– Ну и дальше не вылезай, – резонно ответил он. – Самый сезон для нечисти. Позапрошлым годом за мостом у «Караван-сарая» столько всего вылезло, что там даже за забором боялись по улице ходить. Сейчас всех подтянут, я думаю.

– Ваш «урал»? – показал я на забрызганный грязью грузовик.

– Наш, – сказал второй мужик, смугловатый, с чуть раскосыми глазами. – Мы же только из рейда.

– Где были?

– Западный тракт. Так, постреляли немного, но без больших приключений. Кстати, это же ты с Черным Пастырем в Рудном столкнулся? – вдруг оживился он.

– Я.

Очень даже я. Он мне потом еще снился несколько раз, в холодном поту просыпался, кидаясь сразу за ружьем. Милу, пока она еще здесь была, напугал до полусмерти таким пробуждением.

– Ты бы рассказал народу, что и как. Слухи ходят, что у границы с Туманным видели еще одного.

– Ну вот занятия по стрелковке будут – расскажу.

Если таких Пастырей станет много – это как-то совсем не радует. Тварь совершенно кошмарная, я чудом уцелел.

– Дороги как, кстати?

– «Уралы» прошли, – усмехнулся похожий на татарина. Да, а он татарин и есть, кажется, Ренатом зовут, теперь вспомнил. – Но там уже снег и грязь вперемешку, грязь под снегом. «Узик» брать даже не стали.

– Понял, – кивнул я.

Распутица тут вполне актуальное понятие, я еще прошлой весной понял, когда мы машины от прохода до дороги тащили чуть не целый день, хотя там всего с полста метров было. Вручную все разгружали и по грязи таскали. Но с гусеницами таких проблем быть не должно.

В штабе все как обычно – небольшой вестибюль, за дежурку одна комнатка, там же и дежурная по связи сидит, у нас только дамы на этой почетной должности. Вторая комната – там все сразу, и командир, и заместитель, и разводы проводятся, для чего стоит доска и несколько рядов разношерстных стульев.

– Здравия желаю, – поприветствовал я сидевшего за столом над бумагами Мстислава.

Выглядел Лихачев уставшим и замотанным, мешки под глазами. Висящая на стене карта сплошь утыкана красными булавками, что означает: проблем сильно прибавилось.

– Заходи, садись, – кивнул он на стул перед собой. – На рейд тебя опять ставлю.

– На следующий понедельник?

– Да, как договаривались. Только еще ночное дежурство по району у нас по плану.

– А это когда? – удивился я.

Вообще резерв Патруля на дежурства в городе должны привлекать, такое условие сразу выдвигалось, при вступлении, и мы на него согласились, но так и не ходили. В рейды по задачам Патруля – да, а вот патрулирование на манер дружинников – уже нет.

– С понедельника, этого, на вторник. Дружина попросила, что-то у них там не складывается. Сказали, что только пару недель. То есть пару раз тебе придется сходить.

– Сходим, – это не просьба, это все же приказ.

Пусть у нас и нет тут настоящей военной дисциплины, поскольку служим мы за свой счет, Патруль разве что бензин компенсирует, строить нас сложно, но люди все взрослые и все понимают, свой конец бревна стараются честно тащить. – А рейд куда?

– А вот сюда, – Мстислав поднялся со стула и подошел к карте. – Южная дорога, окрестности Силикатного. Бывал здесь? – он показал на карте заброшенный поселок.

– Проезжал только. А что там? – удивился я. – Вроде тихим место считалось.

– Следов на снегу нехороших много, проверить бы надо.

– Что за следы?

– А кто его знает, пока не опознали. Фото есть, – он вернулся к столу, полез в верхний ящик, достал оттуда конверт с распечатанными снимками. – Смотри.

– Хм... – что-то нехорошее по снегу гуляло, точно. След большой, с человеческий, только по форме к птичьему, что ли, ближе... когти четко отпечатались. – Диего...

– Не опознал. Раньше не попадалось.

– Опять нечисть, – вздохнул я. – На ауру и магический след...

– Не снимали, некому было, – Мстислав покачал головой. – Чаю хочешь?

– Давай, не откажусь.

Здесь электричество есть, так что в комплекте электрочайник. Роскошь практически.

Неопознанный след – это наверняка нечисть. Весь животный мир, включая даже монстров, по большому счету известен целиком, так что неопознанных следов быть не может. А вот нечисть по факту производится Стужей, Тьмой и магическим полем, особенно в период

бурь. И что-то новое появляется регулярно, никогда не знаешь заранее, увидишь ты еще когда-нибудь таких тварей, или они и вовсе одноразовые.

– Стоп, – я вгляделся в снимок внимательней.

Как-то знакомо выглядит... только такое ощущение, что видел я не следы, а самую конечность, что их оставила...

– Что? – насторожился Мстислав, даже замер с графином в руке, из которого лил воду в чайник.

– А видел я, кажется, подобных тварей. Я их «плевунами» назвал. Выглядит как... как четвероногий паук, колени вверх, брюхом по снегу чиркает. Вот, – я быстро перелистал снимки, – вот след от брюха, – между двумя цепочками отпечатков тянулся невнятный вдавленный снег. – Они плюются... вот как «Игла Стужи», но послабей. Но при мне крысюка заморозили до стекла, правда, не знаю, со скольких плевков.

– Где видел?

– В Рудном, когда бегал... ну, тогда.

– Понял, – Мстислав включил чайник. – Тогда тебе и разбираться.

– Одной группой? – напрягся я. – Нас три человека всего.

– Вас шестеро вообще-то, – Мстислав выразительно посмотрел мне в глаза. – Просто один боец у вас за стены не ходит, а еще один... где она, кстати?

– В Северореченске, по делам.

– Ну видишь как, у нее дела, а у вас дефицит личного состава. Кстати, одного ты как-то вообще упускаешь.

Это про Милу и Хмеля. Ну и про Платона, мы его с собой брать боимся, хоть он и злится от этого. Он наша единственная связь с тем миром, рисковать им... нет, ни за что.

Продолжения не последовало, то есть укреплять нас никто и никак не собирается. Ну и ладно, не очень и хотелось. Хотелось, конечно, даже очень, но людей не хватает. И мы все же резерв, то есть у всех еще и основная работа имеется.

– Выкрутимся.

Втроем придется ехать. Ну ничего, скатаемся, посмотрим. Не думаю, что там большие проблемы будут. Плевуны при использовании зажигательных патронов бьются хорошо, а поскольку твари магического происхождения, то каких-то гнездовых быть не должно. Скорей всего, уже разбежались, а может, даже и издохли. Разберемся.

Хмель

24 апреля, пятница

По мне, нелюбовь замкнутых пространств вполне понятна и объяснима, в случае если это самое «замкнутое пространство» лишь немногим превышает размеры гроба. И хоть сам я клаустрофобией отродясь не страдал, но когда лязгнул люк и послышался скрежет запоров, не сумел удержаться от нервного матерка.

Мигнул и погас свет, зашипела нагнетаемая в камеру воздушная смесь. Мышцы напряглись, ремни каталки врезались в кожу.

Спокойно!

Это всего лишь очередной осмотр. Очередной осмотр, и не более того.

Засияли кристаллы горного хрусталя, в такт их мерцанию кожу закололи легкие уколы магической энергии. И чем ярче разгоралось свечение, тем сильнее становился зуд. Стало холодно, дыхание вырывалось изо рта белесым паром, расползся по внутренней поверхности трубы серебристый иней.

На миг стужа стала почти невыносимой, а воздух заискрился из-за переполнившей его магии, но вскоре вновь загудели вентиляторы и холод пошел на убыль. Пронзительный аромат утренней свежести, чрезвычайно сильный и от этого невыносимо резкий, ослаб, следом начала

рассеиваться закачанная в трубу энергия. Точнее – ее начали вытягивать наружу и перерабатывать установленные на выходе фильтры.

Пару минут спустя распахнулся люк, немолодая медсестра выкатила меня из камеры в просторную светлую комнату, сноровисто расстегнула ремни и сняла датчики. Когда она покинула кабинет, я так и остался лежать на каталке, только повернул голову и посмотрел на долгоязого худошавого дядьку с татуировкой «Хирург» на левой кисти, который увлеченно изучал переплетения цветных нитей на мониторе допотопного по меркам нормального мира компьютера.

– Ну? – спросил, когда унялось сердцебиение.

Заведующий отделением патологий внутренней энергетики только отмахнулся, продолжая рассматривать сложный график. Тогда я уселся на каталке, и голова немедленно закружилась, пришлось зажать виски в ладонях.

– Не торопитесь, – посоветовал врач.

– Жить буду...

– Это вопрос или утверждение?

– И то, и другое, – усмехнулся я, осторожно спускаясь с каталки на холодный кафельный пол.

– Ответ вам известен, Вячеслав Владимирович, – ответил Хирург, продолжая изучать графики. – Жить вы будете.

– Но не обязательно долго и хорошо?

– А это исключительно от вас зависит.

– Ох, если бы...

Снятые перед сканированием вещи по-прежнему лежали на подоконнике; первым делом я нацепил на шею серебряную цепочку с крестиком и отводящим пули амулетом и только после этого через голову стянул белую сорочку до колен, в которую меня нарядили перед процедурой. Потом влез в штаны, накинул рубаху и опустился на одно колено зашнуровать ботинки.

– Так что аппарат показал? – повторил свой вопрос.

– Аппарат показал, что внутренняя энергетика медленно, но верно приходит в норму. И это просто удивительно.

– Слишком медленно? – пошутил я.

– Слишком верно. Этот ваш кудесник...

– Давайте не будем, – поморщился я, предвосхищая расспросы о фармацевте, который поставлял мне чудодейственные таблетки.

С Виктором Бородулиным мы продолжали работать по прежней схеме: химик варил таблетки, Платон тащил медикаменты в нормальный мир и там их распространял. Торговля теперь шла сразу по двум каналам: нашему и отжатому у Игоря Фомина. Впрочем, кондуктора не обижали и комиссионные на счет в банке переводили в полном объеме и без задержек. Как ни странно, от случившихся изменений все только выиграли. Даже Бородулин. Мы хоть и стали его единственными покупателями, пересматривать условия сотрудничества не стали, затребовав вместо этого привилегию нематериальную: теперь химик специально для меня и Клондайка делал часть таблеток по индивидуальному рецепту.

Свои ежедневные семь пилюль по утрам я не пил больше месяца, полностью перейдя на новый препарат, и пока это сказывалось на энергетике исключительно положительным образом.

Хирург отвернулся от компьютера, откинулся на спинку офисного стула и скрестил на груди руки.

– Вячеслав Владимирович, вы хоть понимаете, какой это прорыв? Подобным лекарством можно полностью исцелить треть больных из «Черного квадрата», а у остальных добиться стабильной ремиссии!

«Черным квадратом» именовалось гетто для уродов – людей, чей организм оказался не в состоянии приспособиться к магическому излучению Приграничья. И, надо сказать, целью этого учреждения было вовсе не излечение больных, а изоляция их от общества.

Поэтому я только покачал головой.

– Вы же врач! – проникновенно улыбнулся, решив перевести давно надоевший спор в новое русло. – Вы же знаете, как делаются дела! Расценивайте мое лечение в качестве апробации новых лекарств на подопытном кролике. Вдруг я завтра в страшных муках скончаюсь, а вы этими таблетками половину гетто накормите?

Но кем Хирург не был – это простаком.

– Не раскроете фармацевта? – прямо спросил он.

– Не раскрою, – подтвердил я и поморщился. – Хотя представляете, во сколько мне обходится лечение? На уродов тратить такие деньги никто не станет!

– Не на уродов. На измененных.

– Сделаю вид, будто ничего не слышал.

«Уроды» – это диагноз; «измененные» – это политика. От политики я старался держаться подальше.

Врач остро глянул на меня и кивнул.

– Хорошо, вернемся к этому разговору позже.

– Вернемся, – согласился я, желая поскорее закрыть неприятную тему.

Затрещал матричный принтер, Хирург оторвал вылезший из него лист и протянул мне:

– Рекомендации на следующий месяц.

– Отлично! – Я сложил бумагу вдвое и спрятал в карман штанов, потом снял с вешалки куртку. – А что насчет выездов из Форта?

– Вперед и с песней! – рассмеялся врач. – Нет, серьезно. Чрезвычайно интересно будет оценить устойчивость энергетики к внешнему воздействию. Поэтому сразу после возвращения жду на повторное обследование.

– Договорились.

– Решили Ирину Сергеевну провести?

– Увы, не получится, – покачал я головой.

Ирина второй месяц стажировалась в Северореченске, но хоть я и успел уже по ней изрядно соскучиться, бросить все дела и сорваться в другой город позволить себе просто не мог.

– Ну и не беда. Скоро вернется, – утешил меня заведующий отделением.

– В июне.

– Май пролетит, даже не заметите.

– Тоже верно.

В мае у нас скучать просто некогда. Днем все тает, ночью – подмерзает, и чем меньше остается снега, тем больше кругом грязи. Грузоперевозки встают до лета, людей отправляют в отпуска, и начинаются горячие деньки. В мае пиво просто нарасхват.

Я попрощался с Хирургом, но когда уже взялся за дверную ручку, заведующий отделением неожиданно меня остановил.

– Вячеслав Владимирович! – встрепенулся он. – А товарищ ваш когда на осмотр подойти сможет?

– Гордеев? – задумался я. – Он таблетки принимать еще не начал. Как начнет – отправлю к вам.

В Форте Николай никаких проблем со здоровьем не испытывал, но из-за полученного при заброске в Приграничье ранения перейти обратно уже не мог. Точнее, перейти он как раз мог, с этим брался помочь Платон, но вот шансы умереть в первые же сутки после возвращения в нормальный мир в этом случае превышали все разумные пределы. Избежать осложнений

должны были помочь сваренные Бородулином таблетки; они уже были у нас на руках, оставалось только проверить пилюли на практике.

– Непременно отправьте. Осмотр проведу, заодно и рецепт скорректирую, – попросил врач и напомнил: – И сами заходите!

– Непременно.

Я кивнул и направился к ближайшей лестнице. Спустился на первый этаж, вышел на крыльцо и привычно глянул вверх. Но нет – сбитые дворником сосульки валялись в соседнем сугробе, а новые на месте неровных сколов намерзнуть еще не успели, лишь весело звенели о бетон, срываясь с козырька, крупные капли. От этого ступени покрывала корочка льда, тоненькая и чрезвычайно скользкая.

Сегодняшняя погода на весеннюю по меркам нормального мира походила мало – было холодно и ветрено. Но брошенный за оградой госпиталя пикап толком остыть еще не успел, и двигатель завелся с пол-оборота. Я осторожно тронулся с места, выехал на дорогу, и колесо немедленно угодило в яму.

Машина легко выбралась из колеи, но до самого Красного проспекта пришлось тащиться с черепашей скоростью; да и дальше старался не лихачить. Пусть бригады дорожных рабочих уже прошли по одной из основных магистралей Форта, с того времени снег успел не только нападать, но еще и подтаять, а потом замерзнуть. К тому же разбитое асфальтовое покрытие полностью очистить от наледи не представлялось возможным, и повсеместно встречались заледенелые лужи, ямы и выбоины. Хотя по весне улицы обильно посыпали дресвой, особо это ситуацию не спасало, только шуршали о защиту крыльев и днище летящие из-под колес камушки.

Лужа, наледь, яма, немного потрескавшегося асфальта – и все по новой. Летом будет еще хуже, и все же никто вкладываться в дорожный ремонт не станет. Какой смысл, если восемь месяцев в году снег лежит? Выпадет, укатают – вот и ехать можно.

Я откровенно порадовался, что взял пикап. Нет, «буханка» по такой дороге пройдет без проблем, да только и трясет не так сильно, и сиденья удобней. К хорошему быстро привыкаешь.

К бару поворачивать не стал; вместо этого проехал перекресток и покатил к Южному бульвару, точнее – к Лукову. Как ни удивительно, но в поселке дороги оказались едва ли не лучше городских. Где-то колеса еще не успели разбить зимнюю наледь, где-то пустили бульдозер и счистили снег, заодно разровняв грунтовку.

Подъехав к особняку Бородулина, я задом сдал к высоким воротам, выбрался из кабины и откинул борт кузова. Пока возился с задвижками, распахнулась калитка, и на улицу вышел крепкого сложения мужичок в неизменных собачьих унтах, тулупе и меховой шапке.

– Не будешь заезжать? – спросил Лымарь, поправляя закинутый на плечо ремень «сайги».

– Нет, – мотнул я головой. – С вас пара коробок сосисок. Яйцо и колбаса есть пока, в следующий раз возьму.

Семен выволок из кузова увесистый мешок с «дробниной» – дробленным и уже использованным для приготовления пива солодом, который шел на корм скоту; я не стал ему помогать и прошел во двор.

Хозяин особняка стоял у сеней и дымил папиросой. Со своей рыжевато-сизой бородой химик выглядел загулявшим дворником, но на это несоответствие я давно уже научился не обращать внимания. Таблетки получались отменными, остальное меня не касалось.

– Все готово? – спросил я, пожимаая протянутую руку.

– Все, – подтвердил Виктор Петрович и распахнул дверь сеней. – Заходи.

Я шагнул через порог и, расстегнув куртку, снял с пояса сумочку-кошелек. Тот звякнул серебром.

Химик принял его и высыпал на широкий подоконник трехрублевки с Георгием Победоносцем, ладонью развел монеты по доскам, взглянул на меня.

– Здесь слишком много, Слава, – удивился он, оправляя прокуренную бороду.

Я подтвердил.

– Аванс за следующую партию.

Особой нужды в авансе не было, просто мне не хотелось держать при себе дольше необходимого собственноручно изготовленные монеты. Пусть серебро и было в них самое настоящее, если об этом прознает Торговый Союз, у меня возникнут серьезные проблемы. Именно поэтому все монеты до единой я сдавал Бородулину, не решаясь связываться с другими каналами сбыта.

– Хорошо, Слава. Зачту, – кивнул Химик, сгреб монеты обратно и завязал мешочек. После достал из кармана шубы три пластиковых пузырька с некрупными пилюлями, желтыми, синими, красными. Красных было меньше всего.

– Это по второму рецепту? – уточнил я.

– По второму. Шестьдесят рублей за все.

– В счет аванса, – попросил я и передал ему полученную от Хирурга бумажку. – По моим таблеткам надо рецепт немного изменить.

– Тьфу на тебя, Слава! – выругался Бородулин. – Одна морoka с тобой!

– Морoka, – согласился я. – Но и деньги тоже.

За последние три месяца доходы химика выросли почти на двадцать процентов – и это без какого-либо увеличения объемов производства, исключительно благодаря снижению накладных расходов. Серега Платонов тащил таблетки сам, поэтому в оплате услуг посредников пропала нужда.

– Не в деньгах счастье, – легко срезал меня Виктор Петрович.

– Неужели неинтересно что-то новое сделать?

– Интересно, Слава. Очень даже интересно. Неинтересно за перерасход препаратов отвечать.

В этот момент распахнулась дверь, и к нам заглянул Лымарь.

– Я закончил, – сообщил он.

Виктор Петрович наскоро объяснил, как и когда следует принимать новые таблетки, потом заставил повторить. Я легко справился с экзаменом, рассовал пузырьки по карманам и отправился домой, желая не столько обрадовать соседа, сколько избавиться от таблеток. Это уже второй натурой стало: взял товар – сдал товар, у себя ничего не держишь. Во избежание, так сказать...

Николай Гордеев перехватил меня на заднем дворе. Я только загнал пикап в каретный сарай, и вот уже сосед нарисовался. Посидели, выпили, о делах парой слов перекинулись. Заодно таблетки ему отдал.

Когда Клондайк ушел к себе, я поменял куртку на старую фуфайку, взял санки с лопатой для снега и вышел на улицу.

Зимой чистили задний двор, сбрасывая снег к забору, теперь пришло время от этих сугробов избавиться, иначе они растают и превратят в болото все кругом.

При взгляде на высоченные отвалы мой энтузиазм пошел на убыль, но я взял себя в руки и приступил к работе.

Раз-два! – широкая лопата обрезает снег с боков. Три! – подцепляет аккуратный куб снизу и перекладывает его на санки.

Второй уместился рядом, еще два – сверху. После этого потащил их со двора, благо далеко идти не пришлось, просто перевез снег через дорогу и вывалил на противоположную

обочину. Работа сродни боданию с ветряными мельницами, но вместо зарядки – почему бы и нет? Спорт наш друг, и все такое.

Через полчаса я самым натуральным образом взмок, поэтому когда на задний двор выглянул Иван Грачев, был только рад отвлечься и перевести дух. Но не все причины для перекура одинаково полезны. Уж лучше бы дальше работал...

Как оказалось, звонил товарищ Ханин, который умудрялся совмещать две мало совместимые на первый взгляд друг с другом должности: работая начальником отдела собственной безопасности Дружины, он курировал деятельность клуба «Западный полюс». Но на самом деле у нас такое сплошь и рядом.

– Чего ему надо? – поморщился я.

– Не сказал, – развел руками Иван. – Попросить перезвонить?

– Нет, поговорю, – решил я, всадил лопату в снег и прошел в бар. Вытер лицо полотенцем, поднял с прилавка трубку и произнес: – Хмелев у телефона.

– Вячеслав Владимирович! – обрадовался Ханин мне как родному. – У меня хорошие новости!

– В самом деле?

– Заходи прямо сейчас, сам все увидишь.

– Я тут как бы немного занят.

– Поверьте, Вячеслав Владимирович, – продолжил настаивать на своем дружинник, – не пожалеете.

– Ладно, Владимир Михайлович, сейчас буду. – Я бросил трубку и озадаченно взглянул на помощника. – Вань, он датый, что ли, был? Тебе не показалось?

– Показалось, – подтвердил Грачев.

– Схожу узнаю, с какой радости с утра накачался.

– Может, Гамлету позвонить? – предложил Иван.

– Забей, – отмахнулся я, решив не тревожить лишний раз своих вторых основных покупателей.

Повесив фуфайку в кладовку, я надел куртку, переложил револьвер из кобуры в сумочку, отсалютовал помощнику и вышел за дверь. Пикап брать не стал. Идти было минут пятнадцать от силы, а поскольку Ханин алкоголем обычно не злоупотреблял, не исключалось, что сегодня за компанию придется выпить и мне. У нас по-другому дела не делаются.

На улице было холодно и как-то особенно противно и промозгло; я накинул на голову капюшон и усилил шаг. Дальше будет только хуже. Дальше – это в смысле до середины мая, как минимум. Грязь, вытаявший из-под снега мусор, гололед и перепады дневных и ночных температур вскорости достанут так, что волей-неволей начнешь жалеть о студенном постоянстве зимы.

Несколько раз я поскальзывался, а на одной особо коварной луже, подернутой легким снежком, не удержался и бухнулся на колено. Остаток пути шел, поминая нехорошими словами товарища Ханина, которому невеста с чего загорелось выдернуть меня из дома. Но отказаться и никуда не ходить – не выход. Мало ли что стряслось. Нас с Владимиром Михайловичем не только рабочие отношения связывают, разные схемы крутили и крутить будем. Потому как с волками жить – по-волчьи выть, и никак иначе. Сожрут.

Спуск в Кишку, как называли сеть подвалов и бомбоубежищ, превращенную в подземный торговый центр, оказался самым натуральным аттракционом: ноги так и разъезжались на обледенелых ступеньках, не помогал даже насыпанный тут и там песок. В непривычно грязном коридоре орудовали лентяйками вусмерть замотанные уборщицы. Еще одна примета понемногу набирающей обороты весны. Обычное дело.

А вот что было необычно – так это столпотворение перед уродливой дверью «Западного полюса» с рельефной фигурой мерзкой одноглазой гадины. Там собралось на удивление

много посетителей с какими-то непонятными квитками в руках, и что уж совсем из ряда вон – на входе их тщательно сверяли с журналом регистрации. Такого здесь не бывало отродясь.

Впрочем, мне попасть в клуб проблемой не стало: знакомый охранник срисовал еще на подходе и велел пропустить без очереди.

Внутри оказалось странно. Нет, в «Западном полюсе» всегда было странно – чего стоили одни только искривленные стены, светящиеся точки в прозрачной толще пола и дверь посреди зала, которая никуда не вела! Но сегодня обстановка и вовсе напомнила безумное чаепитие из частенько поминаемых Денисом Селиным «Приключений Алисы в Стране Чудес». Такой... конкретный налет абсурда, плавно переходящий в полный бред.

Алхимические светильники, раньше неподвижно закрепленные на стенах, подрагивали и рассыпались разноцветными лучами света. Гремела музыка, от сцены расплзались клубы белого пара. Повсеместно кучковались излишне многочисленные для столь раннего времени посетители. Все места оказались зарезервированы, и это при том, что столами заставили даже обычно свободную площадку перед сценой. Еще и официантов словно со всего Форты согнали.

Что именно разносили разной степени привлекательности девицы, я не понял, да не стал и разбираться, а сразу зашагал к барной стойке, стену за которой завесили белой тканью.

Что еще за ерунда?

Ханин стоял в компании солидных мужчин средних лет, и я решил не навязываться, но Владимир Михайлович жестом попросил подойти. Ведущий на сцене начал что-то бубнить в микрофон, и дружиннику пришлось повысить голос.

– Слава! Ты должен был это увидеть!

– Да ну? – хмыкнул я, косясь на занавесь. На душе было беспокойно.

– Смотри!

Кто-то потянул полотнище за край, и под аплодисменты зала оно сползло на пол, явив нам медь пузатых баков и хром стальных труб.

Я на миг опешил, потом выдохнул:

– Ох ты, блин...

– Так и знал, что ты оценишь! – рассмеялся Ханин, хлопая меня по спине.

– А я должен?

– Ну конечно! Для тебя всегда такая проблема выделить нам лишний кег пива, теперь в этом больше нет нужды!

И в самом деле – нужды в этом больше не было. Медные баки, блестящие и красивые, без всякого сомнения, были частью мини-пивоварни, вполне сопоставимой по производительности с моей. «Западный полюс» начал варить собственное пиво, поставки со стороны им больше не требовалось.

Я будто удар под дых пропустил.

Владимир Михайлович взял со стойки кружку пива и протянул мне.

– Оцени!

Я взял пиво и посмотрел на делового партнера, теперь уже бывшего.

– Ты пробуй, Слава, пробуй.

Моя улыбка вышла на редкость жалкой, но деваться было некуда. Я отпил. Глотать не стал и с отвращением выплюнул пиво обратно в кружку.

– Моча! – объявил во всеуслышание, ставя ее на стойку.

Ханин зло глянул на меня и отметил:

– Это было... обидно.

– Зато честно, – парировал я и зашагал на выход.

– Слава, подожди! – нагнал меня дружинник. – Мы будем брать бутылочное!

Я обернулся.

– Не пойдет, Владимир Михайлович. Умерла, так умерла, – сходу отклонил это предложение. – Если разрываете контракт, то целиком и полностью.

– Как скажешь, – прищурился Ханин. – Сам себя наказываешь.

– Посмотрим, – пожал я плечами и многозначительно добавил: – «Если ты вырвешь волосы, ты их не вставишь назад».

– Звучит как угроза.

– Если я раскидаю ваш объем, возобновить поставки не смогу.

– Твое право, – спокойно принял это заявление Владимир Михайлович. – Но пойми и ты нас: мы не можем позволить себе зависеть от кого-либо. Это плохо для бизнеса.

– Ерунда! – отмахнулся я. – Варите из концентратов, так? Везут их вам из Северореченска, без них пивоварня встанет. Ну и какой смысл?

– У нас контракт на три года с фиксированными ценами.

– Рад за вас. – Я развернулся и поспешил на выход.

Не могу сказать, будто так уж невыносимо было оставаться в клубе, просто требовалось срочно кое с кем переговорить. Пригласив на открытие пивоварни, монтаж и запуск которой держался в секрете, Ханин невольно оказал мне большую услугу, и я намеревался воспользоваться этим обстоятельством без промедлений.

От площади Павших до клуба «Ширли-Муры» идти было десять минут, я уложился в пять. Сдал на входе револьвер, нож и ключи, в кольцо которых было залито примитивное и вместе с тем чрезвычайно действенное заклинание «Щелчка», прошел в бар и поинтересовался, на месте ли управляющий.

– Проходите, Вячеслав Владимирович, – указал на второй этаж бармен, – он в кабинете.

Я беспрепятственно миновал охранника в служебном коридоре, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, толкнулся внутрь.

– О, какие люди! – обрадовался моему появлению Денис Селин, который с закинутыми на стол ногами через соломинку потягивал из высокого бокала коктейль. – Какими судьбами?

– Разговор есть.

Денис взял пульт и отключил звук висевшего на стене плазменного телевизора.

– Слушаю.

– Все еще интересуют поставки пива на «Стадион»? – спросил я напрямую, поскольку с подобными предложениями Селин подкатывал ко мне не раз и не два.

Только сейчас он откровенно замялся, поднялся с дивана и развел руками.

– Извини, Слава, нет потребности.

– Как так? – опешил я.

– Да просто к нам из Ключей обратились на днях. У них что-то с «Западным полюсом» разладилось, объемы высвободились. Нам теперь за глаза.

– Вот как? – улыбнулся я. – Давно обратились?

– Да уж с неделю как.

– И вы меня не спросили?

– А смысл? – вроде как удивился Селин. – Ты же объемов не хотел увеличивать.

– Не хотел, – подтвердил я, вытирая лыжной шапкой вспотевшее лицо.

Денис налил минералки, протянул мне.

– Да ты присаживайся, – предложил он. – Раз такое дело, надо новые отпускные цены согласовать. Мы ключевских серьезно подвинули, у тебя теперь слишком дорогое пиво получается.

Я отпил воды и кивнул.

– Идеальный вариант.

– Не понял? – насторожился Селин.

– Идеальный вариант, – повторил я. – Вас не устраивают цены, я расторгаю контракт и свободен как ветер.

– Уверен, что можешь себе это позволить? – задал Денис совершенно оправданный в этой ситуации вопрос.

– Уверен, – спокойно улыбнулся я, хоть вопрос и был с двойным дном.

Помимо реализации пива, Селин напоминал о покровительстве. С Дружиной в лице Ханина я разбежался, если разругаюсь еще и с ними, то придется полагаться исключительно на собственные силы. А в Форте этого может не хватить не только для процветания, но даже для элементарного выживания.

– Рискуешь, – мрачно заметил Денис.

Я допил воду и поставил пустой стакан на стол.

Доводить ситуацию до предела не хотелось. Пивоварня не столько обеспечивала стабильный доход, хоть и в убыток давно уже не работала, сколько служила оправданием безбедной жизни. Официально показывать доход от реализации таблеток Бородулина и серебра Платона не было никакой возможности. И вместе с тем – хуже нет, чем выказать слабость.

– Я тут здание бывшего штаба Патруля прикупил, – многозначительно напомнил я собеседнику. – Там площадей свободных – просто караул. Хоромы. Собственный ресторан открыть – вообще не вопрос. Но придется пиво только там продавать. Иначе целевую аудиторию не собрать в одном месте, понимаешь?

Денис кивнул.

– Так у тебя там все серьезно? – уточнил он.

– Более чем.

Невинный на первый взгляд обмен репликами по сути своей был предельно откровенным предупреждением, что покровительство Дружины я заменил дружбой с Патрулем, ведь никто не позволит выкупить столь интересный объект человеку со стороны. И значит, давить на меня не стоило. По крайней мере, не столь открыто.

– Ладно, замнем тему, – вздохнул Селин. – С пивом что делать будешь?

– Не решил пока, – пожал я плечами. – Что-нибудь придумаю. Или варить меньше стану, или новую точку открою. Видно будет.

– Мы тоже... подумаем. Время есть.

– Оно не может не быть, – хмыкнул я, попрощался с Денисом и покинул бар.

На улице налетел свежий ветер, но надевать шапку я не стал, лишь вновь вытер ею вспотевшее лицо. Ситуация не нравилась категорически. По всему выходило, что Ханин затаил зло и вознамерился меня если не сожрать, то серьезно испортить жизнь. В начале года у нас случилась небольшая размолвка, и он об этом не забыл. Моих конкурентов из Ключей о прекращении закупок Владимир Михайлович предупредил заранее вовсе неспроста. Вопрос лишь в том, участвует ли в этом Селин изначально или просто решил воспользоваться ситуацией.

Цены снизить? Хрена лысого!

Я выругался вслух и поспешил домой. Дела приняли неприятный оборот, стоило предупредить об этом компаньонов. Компаньонов и кое-кого еще...

Пока шел до бара, слегка успокоился. Хватило даже выдержки, беспечно улыбаясь, поздороваться с заглянувшими на огонек завсегдатаями. Сохранил лицо, так сказать.

Но Ивана так легко оказалось не провести. Ничего не спрашивая, помощник накачал мне полбокала светлого; я с благодарностью кивнул и налил рюмку настоящего на травах самогона, выпил и лишь после этого взял пиво.

– Все в порядке? – поинтересовался тогда Грачев.

– Есть две новости, – произнес я, отрешенно глядя на забранное рейками окно. – Хорошая: мы будем меньше работать. Она же и плохая.

– Это как? – удивился Иван. Он сразу осекся, глянул на посетителей и вновь повернулся ко мне. – Что случилось?

– «Западный полюс» начал собственное пиво варить, – ввел я помощника в курс дела и поморщился. – Из концентратов... Но, сам понимаешь, пиво там всегда было только для ассортимента. Люди совсем за другим приходят, поэтому что нальют, то и выпьют.

– Да и ладно! Тоже мне проблема! – фыркнул Грачев. – Будем с «Ширили-Муры» работать. «Стадион» на себя возьмем.

– «Стадион» уже ключевские за собой застолбили.

– Черт!

– А Селин не придумал ничего лучше, как попытаться нас по ценам подвинуть.

– И что?

Я пожал плечами.

– Пока отбрехался, дальше видно будет.

– Много потеряем?

– Надо журнал учета поднять, – вздохнул я и отпил пива. – Процентом сорок точно уйдет. Да, стоит кеги внимательно проверить, когда привезут.

– Кеги проверю, – кивнул Грачев, – а дальше что?

– А что дальше? Бар на тебя оставлю, сам новым проектом займусь. Диверсифицируем бизнес. Только надо будет кого-нибудь тебе в помощь нанять.

– Пока не надо, – отказался Иван. – Потом, может. До сентября Юля с Викой помогут. Летом в Гимназии время самоподготовки после третьего курса.

– Ну и отлично, оплату сам с ними согласуй.

– Да уж договорюсь, – ухмыльнулся Грачев, который, к моему немалому удивлению, встретался с гимназистками уже без малого полгода.

Думал, разбегутся. Ан нет, не разбежались.

Ну да оно и к лучшему.

Я допил пиво и ушел к себе.

Клондайк

25 апреля, суббота

Суббота началась в подвале, на мешке, турнике и с гириями. Вроде как зарядка и все сразу.

За час выложился, старался, а попутно в очередной раз пожалел, что в городе до сих пор нет нормального спортклуба, чтобы еще и с кардио и всем прочим. Для кардио можно бегать, конечно, вон Хмель бежит время от времени, но не по такой же грязи, как сейчас. Да и зимой то скользко, то мороз такой, что уже не побежишь. Лучше бы зал с дорожками и всякими велотренажерами, чистая была бы польза.

Потом посетила мысль о том, что вообще-то и сам мог бы спортклуб открыть. Железо везти с Аляски машинами, там купить не проблема, здесь поставить, ввести взносы такие, чтобы сразу все окупилось... только где? Помещение нужно немалое, а с помещениями в Форте в последнее время дефицит образовался. С ростом экономики пошел резкий рост цен на аренду. При этом с клубом в промзону не полезешь, на Северную окраину тоже, что еще остается?

Здание Хмеля? Ну или чье оно на самом деле? Место так себе, но далеко не самое плохое. Надо поинтересоваться будет. Или не распыляться пока, думать о том проекте, что с Диего обсуждали? База на Южной дороге? Там, в принципе, проще, земля ничейная, взять можно бесплатно, лишь за регистрацию прав отстегнуть сколько-то... а дальше на деньги инвесторов. Ну и самим там что-то открыть.

Душ, неторопливый, сегодня спешить некуда, потом оделся на выход. Пока поработаю, надо патроны снаряжать, а потом, в два часа, на стрельбище. У меня сегодня занятия с «цехо-

выми» телохранителями, за них платят неплохо. Да и покупают они много, так что стоит убить на это пару часов субботнего времени.

Но сперва завтрак... то есть кофе с печеньем, все равно больше ничего нет дома. Кстати, хороший кофе в Форте дефицит сейчас, может, нагрузить один пикап пачками с зернами? Можно процентов сто пятьдесят прибыли получить, если по ценам судить... ну нет, сто, если сдать оптом. Тоже неплохо на самом деле.

Но не мой рынок, могу что-то путать. Лучше на незнакомую территорию не лезть. И потому что ошибиться можно, и потому, что ошибиться можно фатально. Это все же Форт, и такое явление, как «криминальный беспредел», здесь вовсе не изжито. Свои рынки люди подчас настолько нетрадиционными методами защищают, что даже думать нехорошо.

Саня вернулся под утро. Я слышал, как машина на задний двор заезжала, проснулся. Так что дрыхнуть он будет до обеда как минимум. Нам друг друга миновать сложно, потому что второй этаж нашей половины здания мы разделили на две маленькие квартиры-студии, вот и слышим, когда кто пришел и когда ушел.

Выйдя из своей квартиры, спустился вниз по лестнице. Заглянул, отключив охранные чары, в магазин, глянул на часы – сейчас Димка должен подойти, мы в субботу открыты, до пяти работаем. Он в зал, я пока вниз.

Подвал. Сводчатый, с оштукатуренными белыми стенами, пол деревянный, для тепла. Тут у нас с Саней общая мастерская. Он правый от входа угол занимает, а я левый. Верстаки, столы, металлические шкафы, полки, у Сани на длинном столе еще два ноутбука и куча переплетенных проводов.

Так, угля подбросить в печку: без отопления пока жить не получится. Открыл дверь в торцевой стене, зашел в тесноватое полутемное помещенье с топкой, взялся за лопату, черпая мелкий уголь из немалой кучи, – всего три дня как заново закупились. Вот уголь здесь да, бизнес, тут всего в одном месте добыча, прямо на границе Форта и Города, и подгребли добычу под себя городские. А без угля не жить, на нем и ТЭЦ местная, и у всего города отопление. Дровами топить – никаких лесов не хватит.

Все, пошло гореть дальше, быть батареям теплыми. Отставил лопату, вернулся в подвал. Закрыв дверь – и опять красота и уют, шкафы да белые стенки.

Четыреста пятьдесят четвертый калибр сейчас снаряжать буду, «пустышки», а потом, если успею, «обманки».

Телефон зазвонил. Диего.

– Не разбудил?

Деликатный какой, ты гляди.

– Не, все нормально, в мастерской сижу.

– Ребята с хутора приехали. Сказали, что в твоих домах печки сложены, можешь заезжать.

– Отлично. Я туда в четверг собираюсь. – Просто замечательная новость, теперь и в Лудине снимать ничего не надо, своя база появилась. Мы с Диего в доле этот самый хутор выкупили. Он там охотничью базу для богачей из Форта организовал, кому хочется на того же сугробника сходить, а у меня для наших выездов перевалка теперь есть. А то вечно приходилось в Лудине мельтешить, слишком все на глазах. Из-за этого однажды городские Платона прямо там захватили, наплевав на возможный скандал, хорошо что было на кого разменять. – А у тебя когда заработает?

– Там на пару месяцев еще работы, у меня же под заказ. Пара «вепрей» есть?

– Есть. Еще с десятков остался.

– Нам бы два «ноль-первых».

– Отложу.

«Ноль-первые» – это со средней длины стволами, лучше всего берут за универсальность, как я и предполагал. На втором месте «ноль-третьи», самые короткие. Под картечь они

не очень, но у нас все спецпатроны с пулей, так что все равно сбит бодрый. Впрочем, пуля из него тоже косо летит, вообще никак, но на дистанциях применения терпимо. Такими короткими «вепрями» местный новообразованный СОБР Дружины вооружили, при входе в помещения лучше ничего и не придумаешь.

Причем цены я ломлю немалые, хватает и Кузьминку отстегивать, и себя не обижать. Здесь себестоимость от нужности формируется. Как вот серебро в этом мире дороже золота, так и тут аналогично. Точнее, «вепри» тащат многие, но вот наносить на них рунную защиту умеют не все. Это дело чародеев, чародеи все в Братстве, а Братство огнестрельное оружие отрицает. Саня у нас только свободным художником оказался, что явление крайне редкое. Даже на пойму, как так у него получилось.

Я, кстати, и себе за основной дробовик «вепря» взял, и для Хмеля один приготовил, пусть заберет. Мало ли! А то мы из одних неприятностей в другие, из огня да в полымя, с Темой Жилиным разобрались – и тут же проблемы с Городом из-за тех калек, что Мила припрятала. И опять, и вновь ходи и оглядывайся. Одно радует – эти убивать сразу не будут, если что, скорее похитить попытаются, а это трудней. И мы к этому готовы. Морально.

– Тогда Длинный сегодня заедет. Открыты?

– До пяти, без обеда.

– Пришлю. Кстати, тебя когда в рейд гонят?

– В следующий понедельник, к Силикатке.

– Понял.

Подкрепление хочет дать? Нет, промолчал. Не хочет. Ну и ладно. Попрошались.

Так, все по порядку разложить, поддончики с гильзами, коробки с пулями, капсюли... вот они, сразу в пресс... Работа нетрудная, главное аккуратно все делать, чтобы двойную дозу порошу никуда не сыпануть. Тогда может неприятный эффект получиться, приходилось видеть.

Дверь открылась, Димка на работу пришел. Точно, как раз время. Через десять минут откроемся.

На стрельбище было солнечно, но довольно ветрено. Солнце явно пригревает уже, а ветер всю радость портит, даже не расстегнешься покуда. Но куртка все равно уже не зимняя, так что даже в этом радость.

Снег на огневом рубеже расчищен, на выщербленном асфальте стоим, так что надо еще поглядывать, чтобы в лужу не влезть. Асфальта в Форте нет, весь битум с НПЗ в Лудине в Город уходит. Ходят разговоры про деревянные тротуары – может, и начнут делать, а то Форт скоро вообще в грязи потонет. Уже зиме рад, зимой чисто хотя бы, и дороги поглаже, сами-то ямы гравием засыпают.

Курсантов у меня двадцать человек, все из отделения личной охраны Цеха. У всех револьверы «ругер» под сорок пятый, которые я же им и продал. Еще у всех дробовики есть, мои же, но сегодня по плану у нас револьвер. И промежуточные экзамены.

Народ все больше средних габаритов, возрастом к тридцати, пожалуй, шкафы в личной охране только для понтов хороши. Одеты одинаково – черные карго-брюки, серые куртки «софт шелл», черные вязаные шапочки. На куртках на рукавах и груди эмблема – шестеренка. Раньше Цех бандой был, но сообразил, что надо меняться. Ушли под Торговый Союз, превратились в охранное агентство, вполне приличное.

Вообще стараются. Платят им хорошо, набирают мотивированных, так что пытаются, так сказать, оправдать. Но вот присущую Цеху систему рукопашки с магической подпиткой, с которой они и поднялись, для огнестрела пришлось перебарывать, она только мешает. Так что больших стрелков из них уже не получится, похоже, но достаточно приличными все же сделаю.

– Упражнение «Эль Президенте», давай первый на рубеж, – махнул я рукой, настраивая таймер.

Блондинистый парень вышел из неровной шеренги охранников, встал у столика на рубеже, кивнул, что готов, поднял руки.

Я нажал кнопку, таймер пискнул. Его левая рука резко упала вниз, поддержала куртку справа, правая выхватила револьвер. Он быстро, очень быстро обернулся, затем с семи метров дважды выстрелил в каждую из трех силуэтных мишеней. Немного суетливо перезарядил револьвер из скорозарядника, потеряв секунды, вновь трижды выстрелил двойками.

Глянул на время. Ну... так себе.

– К осмотру.

Он откинул барабан, выбросил гильзы в пластиковый ящик.

– Две ошибки, – сказал я. – Ты повернулся через правое плечо. Это для спортсменов хорошо, доли секунды сберегает. Для боя это плохо. Если противник сзади близко, то он может заблокировать руку с оружием. Поворачиваемся всегда через противоположное.

– Вторая? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Ты упорно разряжаешь револьвер правой, а это потеря времени. Правая рука основная, значит, она точнее и быстрее воткнет скорозарядник в барабан. – Я встал рядом, взял у него револьвер, сначала закрыл барабан, а потом откинул, перебросив оружие в левую. А правая выдернула скорозарядник из поуча. Патроны легко скользнули в гнезда барабана, револьвер вернулся в правую руку.

– Думаю, что на этом до пары секунд можно сэкономить.

Пистолетов я им не продавал, не было их у меня тогда. Может, еще и их предложить? Четыре десятка револьверов они у меня взяли и еще просят.

– Понял?

– Все понял.

– Давай следующий!

К концу стрельб на дорожке от ворот появился начальник всех этих тельников, Роман Романович. Подошел неторопливо, пожал руку, с кем-то из своих поздоровался, поморщился на весеннее солнце. Спросил:

– Как идет?

– Прогресс есть, – в сущности, не соврал я. – Великих стрелков не сделаю, но попадать будут.

– Хорошо бы. А вообще свою школу открыть не хотите?

– Стрелковую?

– Ну да.

– Смысла нет, – покачал я головой. – В Форте не так много владельцев огнестрела, а хуже всего закон. С ним даже до тира не донесешь.

– В этом и проблема, – он поднял палец. – Люди практиковаться не могут, хотя оружие есть. А если бы был тир со своим оружием...

– Времени на это не хватит. Надо тогда бросать все остальное.

– Жаль. Хоть, может, вы и правы. Мы бы вам клиентов подгоняли.

Ты глянь, прямо в воздухе висит намек на то, что надо бизнес диверсифицировать и расширять. Весна так действует? Природа ждет обновления? Может, даже и так. Нет, мне мой бизнес нравится, будь гарантия вечных поставок – я бы так и сидел в своем магазине и мастерской, мне хватает. Но гарантий никто не даст, вот в чем проблема.

Нет, пройти через эту «дверь» может любой кондуктор, не только Платон, да только схема там больно приватная. Возьмешь чужого человека – и начнется все снова-здорово, как с Жилиным, ни дна ему, ни крыши, царствие небесное, земля стекловатой.

– Кстати, – вдруг вспомнил я, – а кто теперь охрану «Поляны» под себя подгрел?

– Под Дружиной новая фирма, «Сокол», – сказал Роман. – Не мы, – добавил он, усмехнувшись. – Так быстро место заняли, что можно даже подумать, что это именно они Тему

убрали. Но мы после него пару-тройку объектов на Южном отхватили. Кстати, магазин расширять не планируете? А то «Тоledo» теперь на продажу.

– Не мой профиль, я его просто не заполню товаром, не хватит. Да и аренду там не потяну, – уже поскромничал я.

– Офис «Жилин-Сопровождения» освободился.

– Это на Пионерской?

Мне адрес дал Мстислав, когда мы искали похитителей Платона.

– Там. Есть там такой Саша Иванов, в просторечии Лысый, вот он и продает. Я так понял, что как Жилин пропал, у его людей доступ к бабкам прекратился. Он или только сам ими распоряжался, или кто-то еще, кто тоже с ним исчез.

– А много их пропало?

– Восемь человек, говорят, – Роман ухмыльнулся. – И две машины. Как корова языком слизала. За ворота выехали, а больше их никто не видел.

– За какие ворота хоть?

– Юго-восточные. Говорят, что он через пару часов вернуться пообещал, – и с концами.

– Да и хрен с ним, если честно, – сказал я вполне даже искренне.

– Да с вами весь Форт согласен, – Роман засмеялся. – Покойный был редкой скотиной. Ну или неупокоенный, хрен знает что там с ним случилось.

– Если неупокоенный, то уже бы в Форт пришел, я думаю.

– Сейчас вытает из сугроба и придет.

Да, исчезновение Жилина было темой для разговоров в Форте и по сей момент. Нашего трюка с телепортами никто не раскусил, по крайней мере, среди бесчисленных теорий никто ничего не слышал. Так что случись надобность – можем еще раз использовать, так выходит. Саня сказал, что постановщик помех для порталов соорудить – полчаса времени, на коленке сделать можно. Так что если схема вскрыется, то все, каждый, кому есть резон за свою жизнь опасаться, такой постановщик помех на свою машину прикрутит. И все, больше не воспользуешься.

– В любом случае их офис продается, – вернулся к теме разговора Роман. – Там места как раз на второй магазин, даже с запасом, вход отдельный.

Я слегка задумался, но потом все же отказался:

– Не потяну, нет свободных денег, а в долги лезть не хочется.

– Я думаю, что там поторговаться можно, Лысый еще и в Северореченск собрался переехать. Пока под Жилиным ходил, он борзел много, а сам по себе никому не авторитет, посылают его все. Кстати, – тут он явно что-то вспомнил, – Торговый Союз с Горсоветом принимают программу льготного кредитования на освоение заброшенных районов. Если есть хорошая идея, то рассматривают и кредитуют в золоте, под пять процентов всего. Пока не приняли, но мне шепнули.

– Хм... спасибо, – кивнул я.

О таком всегда полезно знать, мало ли что выпадет.

Со стрельбища вернулся в магазин, где Димка сказал мне о том, что заезжал Длинный и забрал ружья. Саня все же проснулся и сидел за своим столом в мастерской.

– Сань, когда глушак сделаешь? – задал я ему дежурный вопрос.

– В понедельник возьмусь, – стараясь не смотреть в мою сторону, буркнул он.

– В какой конкретно понедельник? – уточнил я. – В году их минимум пятьдесят два.

– Послезавтра.

– Правда? – ехидно удивился я. – А что вдруг так?

– В смысле? – Саня сделал вид, что не понял.

– С чего вдруг я уже про не знаю какой понедельник по счету слышу, но вот именно в этот что-то должно случиться?

– Ну я же сказал! – как-то не очень логично ответил он.

– Сань, во вторник «ниву» отберу тогда.

– Да не очень и надо! – гордо заявил он.

– Ты просто сделай, – вздохнул я, вешая куртку на вешалку.

Не успел за дело взяться, как услышал стук в заднюю дверь. Махнул Сане рукой, мол, сам открою, обнаружил за дверью Хмеля.

– Привет, Слав, как оно?

Вид у него был несколько озабоченным, но тут еще его самого надо знать – он выглядит озабоченным, даже когда все в порядке.

Совсем все в порядке не было, но проблемы у него возникли по рабочей линии, то есть вроде бы не из тех, при которых сразу стрелять начнут. Но как бы то ни было, а короткий «вепрь» я ему вручил. Так самому спокойней. Мне бы его еще по стрельбе из револьвера подтянуть, а с длинностволом он неплохо справляется, в молодости, как говорит, пулевой стрельбой занимался.

Попутно договорились про четверг, что с нами едет. Если у него в новом месте все на мази, то пора снежную ягоду закупать, это точно, пока не перезрела. Потом Хмель пошел в подвал Саню терроризировать по поводу данных обещаний, а я его мысленно поддержал, а то чародей совсем расслабился.

Часов в семь вечера решил выбраться в свет. Не в паб, в пабе я каждый день, а куда-нибудь еще. Хотя бы на предмет поужинать, потому что дома все равно никакой еды нет. Оделся чуть приличней, сменив карго-брюки на джинсы, а свитер «тактический» на нормальный, выгнал из своего гаража в арке «широкого» да и поехал.

Было еще светло, весна здесь северная, в конце апреля в семь часов еще сумерки даже начинаться не собираются. Людей на улицах хватало, как раз все с работы шли. Подумал, куда бы поехать, и остановился на «Гостевой избе» – там, по мне, всего вкусней. Наверну холодца под хреновуху, еще чего-нибудь соответствующего, а дальше видно будет.

По Красному погнал до Южного, у здания бывшей Коммуны притормозил, задумавшись. Здание что надо, все тот же красный кирпич, строено квадратом, но закрыто и опечатано. С одного угла еще и подрушено – это где братья при штурме вошли. Но обрушено не сильно, все чинится. Только репутация у места поганая, поэтому, говорят, никто его под себя так и не подобрал. Коммунары в свое время совсем рехнулись и дошли до похищений детей с последующей вивисекцией, за что их истребили практически под корень, а кого сразу не убили – того к стенке прислонили в тот же день. Хоть бы снесли его тогда, что ли, а то место вроде хорошее, налево отсюда Южный бульвар идет, а тут такой сундук мрачный.

Потом, задумавшись чуть глубже, скатался на Пионерскую, дом три, где раньше был офис Жилинской конторы по сопровождению грузов. А ничего так место, дом – двухэтажный «немец», из тех, что когда-то пленные немцы строили, из такого добротного крупного желтоватого кирпича, под шифером. Такой еще сто лет простоит без проблем. Окна на первом этаже не светятся, на дверях замок. И вправду вход с улицы... мне не надо, а вот Хмель случайно расширяться не захочет? Под бар место легко пошло бы, и вон Южный прямо здесь, метров сто до него, даже меньше. Проходное место. И дальше по улице казино, то есть люди тут гуляют.

Да, надо бы уточнить, почем продается, и Славе сказать. Если и вправду цена разумная, то, может, его вообще стоит под себя подгрести, а дальше хоть инвестора ищи, с таким помещением это нетрудно будет. Второй этаж тоже нежилой, офис какой-то, только со двора вход, похоже. Так что еще и мешать никому не будешь.

Мимо медленно проехал «патриот» с эмблемой Цеха на дверях, два парня на передних сидениях присмотрелись ко мне, стоящему перед пустым домом. Кроме дружинников тут за районом еще и Цех приглядывает, все же самое фешенебельное, так сказать, место в Форте, тут тихо должно быть.

Ладно, посмотрел и хватит, пора ужинать. Забрался за руль, объехал квартал и выехал прямо к «Гостевой избе», с удовлетворением отметив, что места для парковки есть. То есть это настолько Форт стал меняться, что уже и над этим задумываешься.

Над подъездом ресторана на месте бежала-скакала иллюзия Птицы-Тройки, на крыльце опять же толпа курильщиков собралась. Одна из причин, что сюда люблю ходить, – в зале не курят. В тех же «Ширлях-Мурах» подчас от дыма не продохнуть, а Мила, возвращаясь с работы, каждый раз жаловалась на насквозь прокуренную одежду.

Меня здесь знали, поэтому разрешения на выглядывающую из-под свитера кобуру предъявлять не пришлось. Официант встретил меня у входа, спросил, один ли я, и повел за двухместный столик к дальней от входа стене. Не самое лучшее место в зале, но в лучших стояли столы побольше. Отодвинул передо мной стул, спросил, что из напитков принести, я попросил «Кровавую Мэри». Пусть потом и на хреновую перейду, но аперитив будет международным.

Открыл меню, пробежался взглядом, хотя заранее решил, что возьму, еще дома. Огляделся. Увидел несколько относительно знакомых лиц в зале. Хотя я активной светской жизни и не веду, но Форт небольшой на самом деле, так что рано или поздно запоминаешь публику, с которой пересекаешься по тем или иным делам. «Бизнес-слой» тут не такой уж и толстый.

Интерьер тут самый что ни на есть «избяной», у моей стены даже печь русская сложена, только ненормальной величины. Стены вроде как бревном отделаны, столы и стулья чуть не топором рублены, даже перебор со стилизацией. Хорошо, что дерюжные подушки на сиденьях имеются, иначе каменная задница была бы потребна. Посуда тоже в тон, у какого-то гончара заказали, хорошо, что хоть ложки не деревянные.

Так, а вот и совсем знакомые лица... Семен Беленький. С целой компанией. Одного в компании знаю в лицо, но не знаю как зовут, еще двоих не знаю совсем, но вижу, что китайцы.

Семен махнул мне рукой, встал из-за стола со стаканом, извинившись, подошел ко мне, уселся напротив. Уже под парами, нормально так принял. В руке бокал красного вина.

– Здорова, как жизнь?

– Да нормально, Сень, – я протянул ему руку. – У тебя как?

– Да вот автосалон думаем открывать, – он кивнул в сторону своего стола. – Можешь у нас и свой товар выставять.

– А чем торговать планируете?

Насколько я понимаю, все потоки поставки машин были уже поделены между конкретными людьми, а Беленький занимался сервисом. Откуда брать собирается?

– Китайцы везут, через Город. Им нормально, там, кажется, вообще с той стороны финансируют, – он показал почему-то в потолок, подразумевая нормальный мир.

– И что повезут?

– Пока на пикапы договариваемся. У них до сих пор выпускаются копии старых «японцев» дубовых. На экспорт их нельзя даже вроде, права и все такое, но сюда – сам понимаешь, проблем нет.

– И как с надежностью?

– Не хуже, чем «уазики», это точно, – усмехнулся Семен. – Холод терпят, обогреватели поставим. Вот гусениц под них нет, это точно. Но цены дают очень хорошие. Еще с Форт-Банком пытаемся договориться на кредиты, тогда вообще все брать будут.

– Хм... очень даже возможно, – согласился я.

Если цена хорошая, качество вменяемое и кредит – точно будут брать. Недорогие машины Форту нужны. Тогда, кстати, и на мои цены упадут, хоть и другая ниша. Опять же надо задумываться, что тащить.

Подошел официант с коктейлем, выставил на стол передо мной, принял заказ и быстро ушел. Я поймал губами короткую соломинку, втянул глоток смеси водки, томатного сока, перца и лимона, с удовлетворением отметив, что смешали хорошо.

– И когда первые машины будут?

– Как распутица закончится, так и притащим. Сразу пару десятков.

– А где салон будет?

– На Терешковой, напротив общаг. Там двор со старыми контейнерами видел?

– Ну да.

– Вот в нем.

– Нормальное место.

– Да, еще мини-грузовики будут полноприводные, это как «газель», но с обычным кузовом, – вспомнил Семен. – Если что возить надо, то лучше не придумаешь.

– Я понял.

– Гусеницы еще будут? Я бы взял под следующий сезон комплектов двадцать, пусть лежат.

– Под заказ могу привезти, сейчас не планировали.

– Привези, будь добр, вперед заплачу.

– Список давай.

– В понедельник завезу, годится?

– Да мне все равно, тебе же гусеницы, – усмехнулся я.

Еще парой слов перекинулись, и Беленький ушел за свой стол. Не думаю, что мой сектор авторынка сильно нагнут, но надо больше в «люксовость» уходить, наверное.

Отужинал в одиночестве, хоть раза три и поздоровался с проходящими, а с одним парнем, сыном кого-то из Горсовета, много покупавшего у меня, еще и обменялись парой слов. Принял хреновухи грамм двести, после ужина чаю с лимоном попил, в общем, вечер провел хорошо, с пользой. Оставил официанту с гардеробщиком хорошие чаевые, вышел на улицу.

Солнце ушло – сразу холодно. По ночам пока еще зима. Попрощался с охранниками, сейчас стоявшими на крыльце, сел в машину, завелся. Печка сразу горячий воздух в салон погнала. Отъехал от тротуара, привычно глянув в зеркало заднего вида, заметил, что в полусотне метров за мной еще одна машина отъехала от тротуара. Понимаю, что глупость, но паранойя плеснулась в душе как помой в ведре, поэтому я свернул направо, на ту самую Пионерскую. Фары свернули за мной, заставив насторожиться еще больше, но на следующем перекрестке они ушли налево, хотя я повернул вправо. Не за мной. Но машину, к слову, сегодня проверю на маячки и подслушку. Сейчас вернусь, загоню в гараж – и сразу проверю.

Хмель

25 апреля, суббота

Выходной – это время, которое нечем занять.

Парадокс? Вовсе нет.

График свободный, по своим делам могу отлучиться в любое время, поэтому никаких особых планов на субботу и воскресенье никогда не строил. А уж как Ирина на стажировку в Северореченск уехала, так и вовсе выходные от будней отличать перестал. Хорошо хоть работа любимая есть.

Да, свою работу я любил и потому выходку Ханина воспринял как-то неожиданно близко к сердцу. Потеря денег не так зацепила, как сам факт разрыва договора. Променил мое пиво на бурду из концентратов!

Вот сволочь такая!

Я выругался, поднялся с постели, выглянул в окно – солнце, снег, грязь. Весна.

Нацепив на запястье браслет часов, привычно потянулся за коробком с пилюлями, вспомнил, что в них больше нет нужды, и усмехнулся: некоторые привычки въедаются просто намертво.

Бар поманил запахом свежей стряпни, заурчало в животе. Я оделся и спустился вниз, но, к моему немалому удивлению, на кухне кашеварила не тетя Маша, а одна из подружек Грачева, рыженькая. Рыженькая – это Вика. Постоянно их путаю, хоть и не похожи ничуть.

– Доброе утро, дядя Слава! – заулыбалась колдунья при моем появлении. – Садитесь завтракать.

– Нет, спасибо. По делам съездить надо.

– А! Тогда мы сейчас. – Гимназистка убрала с плиты сковороду и позвала: – Юля! Идем!

Юля, смешливая брюнетка чуть ниже и заметно фигуристей подруги, выглянула из подсобки и поздоровалась:

– Здравствуйте, дядя Слава! Проходите, мы быстро.

Я ушел в бар, сел за стол и стянул с запястья стальной браслет часов, потом закатал рукава. Гимназистки появились через пару минут с одинаковыми шкатулками. Лакированные деревянные крышки и боковины покрывал сложный узор, уголки желтели медью. Внутри лежали мотки сплетенных из разноцветных нитей жгутиков. У меня аж в носу засвербело от переполнявшей их магии. А еще зачесались запястья, кожа которых и без того выглядела слегка покрасневшей и раздраженной.

Да – это все для меня.

Магия в Приграничье вещь обыденная, остерегаться стоит не только выстрела в спину, но и заклинаний. И пусть колдуны с откровенным криминалом обычно не связываются, хватает в свободной продаже и боевых амулетов. Да и чарометы Братства время от времени на сторону уходят. Так вот долбанут шаровой молнией – только пепел останется. Опять же ведьмы на нас... несколько злы. Могут долбануть, ох, могут.

Поэтому когда Иван Грачев предложил задействовать способности подруг, я подумал-подумал да и согласился. Тем более что, как выяснилось, Вика с Юлей специализировались на комплексных чарах и могли закрыть не только от поражения боевыми заклинаниями, но и от ментального воздействия. Правда, обереги достаточно быстро разряжались, поскольку нити не были рассчитаны на долгое удержание магической энергии, а использование костяных, деревянных или каменных бусин сделало бы талисманы более заметными для колдовского зренья.

Этого по возможности хотелось избежать: ведь весь смысл был именно в скрытности. Если кто-то узнает об обереге, то рано или поздно отыщет способ защиту обойти. Или же не станет прибегать к магии, а просто наймет пару головорезов. Ни к чему это.

Вика занялась левой рукой, Юля – правой. Гимназистки сноровисто затягивали уже готовые жгуты, вязали их хитрыми узлами и плели узоры, но меня не оставляло ощущение, будто увидеть получается лишь часть работы, а попутно они ткут невидимое волшебство, которое и превращает обычные цветные нити для рукоделия в сложный колдовской амулет. Впрочем, так оно и было на самом деле.

Я уже немного нахватался вершков и мог отличить плетения, оберегавшие от ментального доминирования, и способ вязания узелков, сбивающих метки самонаводящихся заклинаний, но это были лишь условности, помогавшие заклинателям не путаться и не тратить время на повторение стандартных операций. Человеку без колдовских способностей результата было не добиться, вне зависимости от того, насколько точно он мог воспроизвести узор.

Постепенно запястья заколол холод, а пальцы онемели, но я сдержался и не стал сжимать кулаки. Девушки довязывали последние узлы, а мне вовсе не хотелось лишить их сосредото-

ченности, как нередко случалось поначалу, и начинать процедуру заново. К тому же после отъезда из Форта Ирины мне с трудом удавалось контролировать себя при столь тесном общении с двумя не слишком скромно одетыми девчонками.

– Фух! – выдохнула вдруг Юля. – Готово!

Вслед за подругой откинулась на спинку скамьи рыжеволосая Вика.

– Даже не знаю, как вас благодарить, – улыбнулся я, закатывая рукава.

– А мы с Вани спросим! – рассмеялась Юля, убрала в шкатулку ножницы и поднялась из-за стола.

– И к тому же это наш дипломный проект, – напомнила Вика.

Гимназистки ушли в подсобку, и лишь тогда я болезненно поморщился и потер занемевшими ладонями друг о друга, разгоняя кровь.

– Нормально все? – спросил из-за стойки Иван.

– Нормально. – Я подумал, не выпить ли чаю, но взглянул на часы и решил не терять время попусту. – Я в «штаб», бар на тебе, – предупредил, застегивая браслет часов. – Идет?

– Не вопрос. Завтра дадите выходной, как договаривались?

– Да, все по плану.

Я поднялся в спальню, надел куртку, закинул на плечо сумочку с револьвером, рассовал по карманам мелочевку. Огляделся по сторонам, но решил, что ничего не упустил, и отправился за пикапом в каретный сарай.

«Штабом» мы именовали бывшую штаб-квартиру Патруля.

С подачи Артема Гельмана я выкупил особняк, где она до недавнего времени располагалась, и хоть для этого пришлось влезть в долги, мой теневой компаньон сдержал слово и помогать с гашением ежемесячных платежей не забывал. Мы попросту оформили договор аренды на одну из подставных контор, оставив в моем распоряжении лишь подвал.

Впрочем, чем дальше, тем больше я сомневался, что контора подставная, и тем сильнее меня одолевали сомнения относительно правильности своих догадок об истинных мотивах Гельмана. Вывеска на фасаде четырехэтажного особняка гласила «Форт-Логистика», а именно это никому прежде неведомое предприятие перевело на себя все контракты Жилина по охране грузоперевозок после его бесследного исчезновения.

Я остановил пикап на парковке перед зданием и зашел на проходную. Загонять автомобиль во двор не стал: надолго задерживаться в «штабе» было незачем, а прилегающую к зданию территорию контролировала нанятая Гельманом охрана. В любое время дня и ночи внутри находилось до десяти вооруженных до зубов бойцов, и это обстоятельство озадачивало меня ничуть не меньше легкости, с которой пронирливый заместитель командира Патруля наложил руку на доходный бизнес сгинувшего без вести дельца.

На проходной мне не задали ни единого вопроса, лишь почтительно поздоровались. Здесь я числился в разряде большого начальства, и это обстоятельство определенным образом тешило самолюбие. Но еще больше радовал сам факт покупки.

Приобрести получилось даже больше, нежели было прописано в конкурсной документации. Помимо собственно особняка, ко мне перешла немалых размеров прилегающая территория с гаражными боксами, а подвал и вовсе оказался двухуровневым. Нижний этаж некогда был бомбоубежищем, и на планы его не наносили по соображениям секретности, а Гельман приложил руку к тому, чтобы так оставалось и дальше. Больше того – в одной из стен обнаружился стальной люк, за которым начинался ведущий в Кишку подземный ход. К сожалению, несколько лет назад из-за подъема грунтовых вод неподалеку отсюда просел грунт и проход завалило.

Я спустился в подвал, отпер массивную металлическую дверь и с порога оглядел свою вотчину. Свет включился автоматически, осветив ряды стальных баков для брожения, авто-

маты розлива и выдува ПЭТ-бутылок. Под потолком висели трубы вытяжек, один из углов занимал перегонный куб.

Нет, я не собирался переводить на промышленный уровень пивоварение; с точки зрения финансовой отдачи куда интересней показалось разливать из привозного концентрата газировку и пускать в переработку снежную ягоду. Незрелые плоды обладали приятной кислинкой, их можно было добавлять для вкуса, из перезревших собирался гнать спирт.

Главной проблемой было получить сертификаты соответствия – ведь снежную ягоду традиционно пускали лишь на корм скоту, – но тут помог случай. Случай и нужные связи в СЭС.

– Тут-тук! – вдруг послышалось от двери. – Обходишь свои владения?

Я развернулся и помахал Гельману.

– Привет, Артем! Ты чего здесь в выходные забыл?

– Дела! – Заместитель командира Патруля сунул руки в карманы брюк и перевалился с носка на пятки. – Думаешь, взлетит?

– Почему нет? – пожал я плечами. – Какая разница, из чего спирт перегнали? На нем же не написано, что он из снежной ягоды! Скину двадцать процентов от цены привозного – оптовики с руками оторвут.

– Голову тебе оторвут, если узнают, – мрачно отметил Гельман. – И за спирт оторвут, и за газировку с соком снежной ягоды.

Я только фыркнул.

– Выморжень, значит, они пьют, а газировкой побрезгуют? Да ладно!

Артем махнул рукой.

– Как знаешь. Может, ко мне поднимемся? Как-то помещения без окон меня раздражают. Хуже только, когда решетки на окнах, знаешь ли.

– Ладно, идем, – вздохнул я, вышел на лестничную площадку и обернулся запереть дверь. – У тебя закуска хоть есть?

– Сгоняем в «Цаплю» кого-нибудь, – успокоил меня Гельман.

Пить сегодня не собирался, но другого повода поговорить с Артемом в ближайшее время могло и не представиться, а разговор откладывать не стоило, поэтому я обреченно вздохнул и зашагал вслед за компаньоном.

Тот, не мудрствуя лукаво, после выкупа здания занял свой собственный старый кабинет и теперь жил на два дома; иногда даже посетителей принимал не на новой базе Патруля, а здесь.

– Не вломят тебе за нарушение секретности? – поинтересовался я, встав у висевшей на стене служебной карты.

– Я тебя умоляю! – фыркнул Гельман, доставая из бара бутылку коньяка. – Разливай, – выставил он ее на столешницу, сам уселся за стол и позвонил на проходную.

Не став дожидаться закуски, мы выпили, и я отошел к окну, полюбоваться на свои новые владения. Пусть моя доля в комплексе и была невелика, но я всерьез вознамерился при следующем разделе имущества помимо подвала отжать еще и один из гаражных боксов. Просто пока не афишировал претензий, выжидая удобного момента.

Но – не сегодня. Точно не сегодня.

– Так что у тебя с сертификацией спирта? – поинтересовался Артем, вешая пиджак на спинку свободного стула.

– На подписи у главы СЭС.

– Много взяли?

Я озвучил цифру.

– Вот ничего себе! – присвистнул Гельман. – Совсем совесть потеряли!

– Да ладно, – махнул я рукой. – Зато полгода точно буду монополистом. На монтаж оборудования и сертификацию ни у кого меньше не уйдет. За это время как раз все договоры заключить успею.

– А! Так-то нормально.

Нормально – да. Особенно если учесть, что заняться спиртом мне предложили знакомые в руководстве СЭС. Под предлогом снижения зависимости от внешних поставок продуктов питания и поддержки местного производителя они получали неиссякаемый источник левых доходов – ведь без нарушений санитарно-эпидемиологических правил при производстве алкоголя дело точно не обойдется.

Мы еще выпили, потом принесли пару ланч-боксов, и хоть я никогда особо китайскую кухню не жаловал, на этот раз отказываться от угощения не стал. Иначе развезет.

– Слушай, Артем, – задумчиво произнес, когда тот разлил коньяк по новой, – я тут с Ханиным разбежался. Если кто станет интересоваться, теперь ты – моя крыша.

Гельман сбросил на блюдечко надкушенную дольку лимона и спросил:

– Сколько?

– Что – сколько? – не понял я.

– Сколько ты мне отстегиваешь? А то я не в курсе текущих расценок. Засмеют еще.

– Нет, давай не так. Давай у нас с тобой проект.

– У нас и так с тобой проект.

– Нет, ресторан. И ты в доле.

– А что? Идея! – Артем откинулся в кресле и предложил: – Может, и в самом деле ресторан на первом этаже открыть?

– Не самое проходное место, – покачал я головой.

– Да и черт с ним, за твоим пивом приедут. Кухню только надо придумать. Какую-нибудь экзотическую, но чтобы с продуктами проблем не было.

– Не гони лошадей, – попросил я. – У меня с собственным производством забот выше головы будет. Если только с Селиным тоже разругаемся, тогда – да, будет смысл прикинуть.

– Смотри, я бы открыл.

– Чтобы в «Цаплю» людей за закусью не гонять?

– Ну да.

Мы посмеялись, а когда подошла к концу бутылка коньяка, я не выдержал и задал давно вертевшийся на языке вопрос.

– Слушай, Тема, а как ты грузоперевозки Жилина так лихо отхватил? Если бы я не знал... – пауза вышла едва заметной, – тебя столь хорошо, заподозрил бы, что ты его и уколошил.

– Да ладно!

– Серьезно. Можно подумать, ты заранее об его исчезновении знал. Людей нанял...

Артем покачал головой.

– Если бы я знал, – произнес он на полном серьезе, – то забрал бы все. Полностью. И охрану «Поляны», и перегонку машин, и все остальное. А так только грузоперевозки успел застолбить.

– То есть это совпадение?

– Сла-а-ав! Ты же знаешь, совпадений не бывает. В Форте просто слишком давно спокойно, от старых добрых времен только байки остались. Люди наслышаны, как другие поднимались, но почему-то полагают, что расстрел на выходе из любимого кабака случится не с ними, а с кем-то другим. Что они самые умные и везучие. Менеджеры среднего звена застоялись, понимаешь? Они хотели кого-нибудь сожрать. Нужно было бросить им кусок, дать выпустить пар.

– И кто предназначался на заклание?

– А кого рвет стая? Либо самого слабого, либо на кого укажет вожак.

– Лига? – предположил я.

– В точку! – рассмеялся Артем. – Лигу хотели потеснить, заодно дать самым нетерпеливым и неконтролируемым отсеяться. И скажу откровенно, я тоже собирался половить рыбку в мутной воде. И «штаб» для этого выкупал, и людей загодя подбирал. Я бы своего точно не упустил, но тут пропал Жилин, и все кинулись дербанить его бизнес. Весь пар в гудок вышел. Кто-то оказал Лиге большую услугу, теперь до нее не скоро руки дойдут.

– Думаешь, Жилина грохнули?

– Ну не в отшельники же он ушел!

– Это точно, – кивнул я и начал собираться.

У Гельмана, как оказалось, были еще запланированы какие-то встречи, поэтому он на продолжении банкета настаивать не стал и тоже поднялся из-за стола. Я пожал ему руку и отправился на выход.

Пока выпивали, на улице сыпал легкий снежок, пикап оказался запорошен белой мелкой крупкой, и какой-то оболтус не нашел ничего лучшего, как нарисовать что-то на капоте. Я достал из кармана перчатку, намереваясь смахнуть это наскальное творчество, но вдруг замер на месте как вкопанный.

Вместо привычного трехбуквенного изречения на капоте было выведено простенькое: «35х», а после знака умножения стоял автоматный патрон. Самый обыкновенный автоматный патрон калибра 7,62х39. И цифра совершенно точно не была взята с потолка: моя «Чешуя дракона» могла отвести лишь тридцать четыре пули весом восемь граммов каждая.

Я быстро отступил под укрытие высокого автомобиля и завертел головой по сторонам, но все было спокойно. Раскрылись ворота, и на улицу выехал «хантер» Гельмана. Внедорожник остановился поблизости, и со стороны пассажирского сиденья опустилось стекло.

– Все в порядке? – спросил Артем.

– В полном, – подтвердил я, пряча патрон в кулаке. А когда автомобиль Гельмана отъехал, выкинул злополучный боеприпас в сугроб и повторил: – В полнейшем порядке, чтоб вас всех разорвало...

Запрыгнув за руль, я вставил ключ в замок зажигания и поспешно провернул его, заводя двигатель. Глянул в зеркало заднего вида, выехал на дорогу и погнал домой. Не снижая скорости, передвинул сумочку с револьвером на живот и дернул хлястик замка, тот, как на грех, заело. Тогда отвлекся от управления автомобилем и рванул замок сильнее. По закону подлости немедленно угодило в выбоину колесо, машину кинуло в сторону и потянуло по наледи, но, к счастью, массивный внедорожник отличался изрядной устойчивостью, и обошлось без аварии.

Я выровнял пикап и повторил попытку расстегнуть сумочку. На этот раз справился, достал «таурус» и кинул его на пассажирское сиденье.

Пусть и было ясно, что патрон – это лишь предупреждение, лишь намек на грядущие неприятности и требование проявить благоразумие, с револьвером под рукой было как-то спокойней.

И понемногу я успокоился. Успокоился и даже попытался просчитать ситуацию, но несколько в этом не преуспел. Было совершенно непонятно, кто именно подложил патрон. Точнее – сделали это люди Селина или сотрудники Ханина. Ни с кем другим трений в последнее время у меня попросту не было. Разумеется, не стоило сбрасывать со счетов агентов Города, которые вряд ли смирились с потерей таинственной карты, только вряд ли они зашли бы так издалека. Да и тот факт, что предупреждение последовало на следующий день после ссоры с Ханиным, совпадением быть никак не могло.

Или пошел слух, что я лишился покровителей, и появилась возможность сделать мне предложение, от которого невозможно отказаться? Вот черт!

Ладно, с этим поможет Гельман, не придется даже афишировать наши с Клондайком отношения с Линевым. А раз сразу стрелять не начали, значит, еще придут поговорить. Вот и поговорим...

Загнав пикап на задний двор особняка, я с досадой оглядел забор, на который Саня-чародей за все это время так и не удосужился смонтировать сигнализацию, выругался и отправился в оружейный магазин. На улицу не выходил, постучался в заднюю дверь.

– Привет, Слав! – поздоровался открывший мне Николай Гордеев. – Как оно?

– Да так себе, не особо. – Я вытер ботинки о половик за порогом и прошел в магазин. – Я с Ханиным из «Западного полюса» больше не работаю, возможны предложения о сотрудничестве со стороны.

Сосед сразу уловил скрытый в этих словах второй смысл и усмехнулся:

– Но ведь это легко решается, так?

– Уже, – кивнул я. – Просто предупредил, чтобы в курсе был.

– Линева припрягать не понадобится?

– Нет, по своим каналам договорился.

– Ну и отлично. Хорошо, что сказал. Как у тебя в «штабе»?

– Оборудование смонтировано, сертификат на выходе. Надо снежные ягоды закупать, пока сезон не прошел. Летом их с Севера везти придется, а это лишние траты.

Клондайк кивнул.

– В четверг поедem в Лудино. Тут еще один вариант нарисовался, но уже на будущее.

– Лудино, четверг... – вздохнул я и поежился, припомнив прошлую поездку в этот поселок. – Не прижмут нас там горожане?

– Диего говорит, нет. В прошлый раз большой скандал вышел, в селе теперь местные менты на воротах, горожане на нефтяной завод перебазировались. Ну и бензовозы сопровождают. Опять же Брюхатый не знает, кто именно к нему на переговоры придет. Ни меня, ни тебя там не ждут.

– Тебя там и не будет, – хмыкнул я.

Клондайк в этот раз собирался не просто доставить Платона до точки перехода, но и уйти с ним на ту сторону. При одной только мысли об этом по спине побежали мурашки. Если таблетки Бородулина не сработают, там Коля и останется. Навсегда. Где-нибудь в сугробе.

Хотя – почему не сработают? Виктор Петрович свое дело знает, а основных покупателей ему терять не с руки. Знал, как важно не напортачить.

– Хочешь, Саню пошлем? Ты только объясни ему, что и как, – предложил Гордеев.

– Не надо, – отказался я. – Ни тебе, ни Платону, ни Сане там лучше не появляться. Меня в лицо не знают, обойдется.

– Машиной с водителем Диего обеспечит. Нас на хуторе дожdetесь, избы уже поставили, печки сложены, дрова есть.

– Это понятно, – кивнул я, задумчиво оглядывая полки и шкафы с оружием.

– Что-то еще? – перехватил Николай мой взгляд.

– Да ты знаешь... – протянул я и потер грудь с левой стороны, – как-то сердце у меня давит. Вот взял бы что-нибудь, а что – не знаю. Револьвер всегда с собой, обрез в подвале, «Шершень» под прилавком. Вроде все есть...

– Баловство этот твой «Шершень», – отрезал Гордеев. – Будет кто с бляхой служебной – не выстрелит. И сколько там шар весит, шесть грамм? Отводящий пули амулет просто не успеешь выбить.

– Шарики взрываются, так-то, – не согласился я с аргументами соседа. – Тут в другом дело: нас с Ваней на патрулирование района на следующую неделю записали, и что брать? Не карабин же. А обрез и «Шершень» против магического воздействия не защищены.

– Ну... в общем, ты своевременно. – Николай ушел в подвал и через минуту вернулся с чем-то калашниково-образным. – «Вепрь» двенадцатого калибра, укороченный. Ствол сорок три сантиметра, со сложенным прикладом стреляет. Если тебе для самообороны и машины, то в самый раз, что доктор прописал. Возьмешь магазинов запасных – снарядишь разными патронами. Магазины пока только по пять и восемь, большие уже из Штатов привезу.

– Это тебе Линева подогнал? – спросил я, беря дробовик в руки.

– Да, через него партию оформили. Хорошо идут, решили и дальше возить.

Дополнительных прицельных приспособлений на оружие не установили, но имелись планки Пикатинни, при желании прикрутить коллиматорный прицел и фонарик было делом пяти минут. Главное, что на ресивере золотели руны заклинания, защищавшего от блокировки оружия магией. Ну и эргономичная пистолетная рукоятка с подогревом лишней вовсе не была.

– Почему отдашь? – решил я последовать рекомендации соседа.

– Бери так, – решил Николай, – мне спокойней будет. Специально для тебя отложил. Магазины и патроны сам покупай, не обеднеешь.

– Да не вопрос. – Я выложил ружье на прилавок и начал загибать пальцы. – Два, нет, три запасных магазина. Патроны с картечью у меня есть, давай пару пачек пулевых. С самой тяжелой пулей. И «пустышек». Противоамулетных не надо, один черт пятьдесят грамм ни один амулет не отведет. Что еще? Картечь, «обманки», пулевые...

– Все не так, – поднял он руки, прерывая. – Магазины бери четыре, под них лифчики есть. Не такие они дорогие. Пулевые бери, лучше побольше, попрактикуйся еще. Бери коробку «пустышек», по убойности они самые крутые, и против людей, и против тварей. Противоамулетные возьми, но мои, которые с корнем. Они алихимические тоже вышибают. И обязательно возьми зажигательные, на случай если из Форта поедешь. Мне тогда в Рудном очень помогли.

– А усыпляющие? Автоматика сработает?

– Возьми усыпляющие, греха в этом нет, – предложил Гордеев. – Но не сработает точно, будешь вручную перезаряжать. Хотя хрен его знает, может, и пригодятся. А если Саня все же изволит глушитель сделать, то...

– На дежурство если только... Ладно, давай, как предлагаешь, тебе видней, – махнул я рукой и вдруг вспомнил: – А! Сумки пистолетные есть у тебя, чтобы не слишком приметные? И лучше клапан с оружием на липучке, а то сегодня замок заел, еле расстегнул.

Николай прошелся по магазину и продемонстрировал одну из сумок, серую и неброскую.

– Открывать ее не надо. Просто суешь сюда руку, липучка отходит сама, оружие уже в руке. Очень быстро получается. Пойдет?

– Пойдет, – одобрил я этот вариант. – Выпиши счет, буду в банке – закрою.

– Не забудь только «вепря» зарегистрировать, – напомнил Клондайк.

– В понедельник займусь, – пообещал я и спросил: – Саня у себя?

– В подвале.

– Пойду пну его, он мне второй месяц защиту на «буханку» поставить не может.

– Он прямо побежит, – усмехнулся Гордеев, заполняя счет. – У меня целый список грехов для него готов, но он все не чешется.

– Все дело в мотивации, – улыбнулся я и отправился в подвал.

Саня и в самом деле обнаружился внизу, но, вопреки моим ожиданиям, не бездельничал с книгой в кресле, а, склонясь над верстаком, гнул в затейливую конструкцию медную проволоку и спаивал ее припоем сразу трех видов. В том числе и серебряным.

Я тихонько подошел к нему со спины и строго спросил:

– Ты когда сигнализацию по забору протянешь?

Чародей не подпрыгнул, но паяльник так и дрогнул в его руках.

– Ну, Слава, ты даешь! – с шумом выдохнул умелец. – Так и до инфаркта недалеко!

– У тебя молодое здоровое сердце, Саня, какой инфаркт? Или совесть не чиста? Например, товарища динамишь?

– Да сделаю я сигнализацию, сделаю! – в очередной раз пообещал чародей. – Это же не так просто все! Там надо магические потоки учесть и действующие охранные чары в расчет принять. Знаешь, сколько мороки?

Я уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

– Ладно, а с «буханкой» что?

– А что с «буханкой»? – удивился Саня.

– Ты обещал защиту поставить, нет?

– Блин, это срочно, что ли? – возмутился чародей. – Ты на пикапе сейчас едешь!

Мне не удалось удержаться от усмешки.

– А почему я езжу на пикапе? Потому что «буханку» до ума не довели!

Саня выдернул из розетки вилку паяльника и развернулся ко мне.

– Слава, ты издеваешься? Бронированное лобовое и боковые стекла тебе поставили? Поставили. Корпус стальными листами усилили? Усилили. Ты знаешь, сколько я времени убил, пока на них руны наносил? Представляешь, какие чары требуются, чтобы миллиметровку пули не брали?

– Все это, конечно, здорово, но бронированные стекла я сам доставал. И реагенты через Братство тоже сам заказывал, пока ты в баре пиво попивал.

– То есть мне даже пива не полагается?

– Полагается, Саня, но поимей совесть – доведи работу до конца.

Чародей махнул рукой и налил себе из термоса чаю.

– Доведу. На следующей неделе.

– И против магии защиту поставишь? – уточнил я.

– Поставлю, – кивнул Саня.

– А экранирование?

– Слушай, Хмель, зачем тебе в Форте экранирование?

– А за стены ездить?

– Да ну тебя! Там просто магическое поле не отрезать, иначе слишком большие перепады внутри и снаружи окажутся. Нужен блок управления, и алгоритм разрабатывать придется, а я в этом не силен.

– Ладно, – сдался я, – но защиту поставь, хорошо?

– Ты на «буханке» в Лудино поедешь?

– Нет, с вами.

– Тогда приедем – сделаю.

– Ты обещал на следующей неделе.

– Я эту не считаю уже. Суббота!

– Смотри, пока работу не сделаешь, пива наливать не буду, – пошутил я.

– Разоришься, – рассмеялся в ответ чародей.

– Типун тебе на язык! – огрызнулся я и поднялся из подвала в торговый зал.

Клондайк уже закончил оформлять документы и выставил на прилавок заказанные мной патроны и магазины.

– Чем Саня занят? – спросил он меня.

– Чай пьет.

– Бездельник.

– И не говори.

Я забрал счет и сунул его в бумажник. Пистолетную сумочку повесил на плечо и принялся рассовывать по карманам куртки пустые магазины. Прижал к себе пачки патронов, взял карабин и попросил соседа:

- Открой дверь, а то нагрузился по самое не могу.
- Патроны надо было в сумку убрать.
- Да ладно, так дойду.
- Слава отпер заднюю дверь, выпуская меня во двор, но сразу окликнул:
- Да, Слава! Ремень для ружья не будешь брать?
- Пока нет, – отказался я. – Если что, потом куплю.
- Как знаешь.

В бар меня запустил Иван. При виде «вепря» он присвистнул от удивления и расплылся в улыбке.

- У нас обновки?
- У меня, – отрезал я, переступив через порог, но сразу поправился: – Хотя нет, у нас.

Под прилавок положу, пусть лежит.

- Там места уже нет.
- «Шершень» в машину брошу, – решил я и поднялся в спальню.

Разложил покупки на столе, открыл магнитолу и достал початую бутылку арманьяка. Налил, выпил и принялся снаряжать магазины «вепря». Основной сделал с тяжелыми пулями, его и примкнул к карабину. Пару запасных зарядил картечью, еще один зажигательными зарядами, а последний набил патронами с «пустышками», только сверху по совету Коли воткнул две противоамулетных пули с железным корнем. Пусть нашествия ледяных ходоков и не ожидалось, но никогда не знаешь, кого принесет нелегкая.

После переложил «таурус» из старой сумки в новую. Перекинул ремень через плечо, выдернул револьвер – порядок. Куда быстрее оружие достаешь, когда замок расстегивать не приходится.

Кинув сумочку на стол, я пометил магазины разноцветной изолентой и подумал, не спуститься ли вниз, но видеть никого не хотелось. Аппетита тоже не было, китайская снедь оказалась неожиданно сытной. На улице вечерело, можно было успеть до темноты почистить задний двор или даже налить пару кувшинов пива и отправиться к Гордееву, но ни того, ни другого я делать не стал.

Разулся, налил еще арманьяка и завалился на кровать.

Так и уснул, даже сам не заметил как...

Хмель

27 апреля, понедельник

Все воскресенье, словно наказывая себя за субботнее безделье, я отстоял за барной стойкой. Устал как собака, зато не скучал. То одно, то другое – так и день пролетел.

Черт, пока Ирина на стажировку не умотала, даже не замечал, как много времени с ней провожу. Так подумаешь – а ведь особо и нечем свободное время занять. Хоть самому себе новое хобби придумывай.

С другой стороны, самое лучшее хобби – это хобби, которое приносит деньги, поэтому утром я сварил пробную партию пива в модном ныне стиле Black IPA, а потом поднялся в спальню за «вепрем».

- Дядь Слава, вы куда с ружжом? – удивился Иван Гордеев.
- Регистировать поеду.
- Раньше с собой везти не требовалось вроде? – удивился помощник.
- Да так, – махнул я рукой. – Возьму на всякий случай.

На всякий случай? Ну да, когда непонятки с крышей начинаются, случай может случиться всякий.

Если Иван и заметил рассованные по карманам куртки магазины, то виду не подал, только кивнул и ушел на кухню. Я ступил за дверь в расстегнутой куртке и без шапки, шагнул и потянул носом воздух.

Холодно. Еще холодно.

Впрочем, в мае особой жары ждать не приходится. Да и лето здесь – дрянь, а не лето.

Хочу обратно в нормальный мир? Или просто завидую Николаю, у которого появился шанс пусть на время, но вернуться обратно? Или причиной дурного настроения стали разговора с Ханиным, предстоящая поездка в Лудино и весенний авитаминоз?

Может, и в самом деле в Северореченск выбраться?

Но я знал, что не выберусь. Слишком много дел, чтобы все бросить и устроить себе отпуск. Могу сколько угодно жаловаться на скуку, но если упустим момент и не застолбим за собой рынок, так и придется дальше по зернышку клевать. А с новым проектом пусть и не разбогатею, но на пару ступенек по социальной лестнице точно поднимемся. И тогда совсем другие перспективы откроются, особенно при негласной поддержке Линева.

Тщеславие? Хрена с два! Элементарное выживание.

Накинув на голову капюшон, я дошел до каретного сарая и выгнал на улицу пикап. Устроил карабин на пассажирском сиденье, стыдливо прикрыв его сверху полиэтиленовым пакетом, завел двигатель и стал ждать, пока прогреется автомобиль.

Если бы курил – достал бы пачку сигарет, но я не курю, просто сидел и ждал.

И что странно, никогда мыслей о куреве не возникало. Неужто и в самом деле депрессия подкралась? Вот уж даром не надо.

И я решительно вывернул руль.

За проведенное безвылазно в баре воскресенье на улице не изменилось ровным счетом ничего. Грязный снег ноздреватых сугробов, огромные сосульки на карнизах крыш, обледенелые дороги. Где-то лужи, где-то корка льда.

Но знаете что – в общем и целом от российской глубинки девяностых картинка ничем принципиально не отличается. Даже на окраинах областных центров ситуация была зачастую ничуть не лучше.

Люди ходят, машины с телегами ездят. Машин, кстати, куда больше, чем телег и саней. Дружинники за порядком присматривают, все тихо и спокойно.

И я как-то неожиданно понял, о чем вчера толковал Гельман.

В Форте стало спокойно. Теперь здесь живут. Тяжело и небогато, но живут, а не выживают. Если даже я застал времена, когда каждое утро с улиц собирали трупы и везли в морг, что говорить о старожилах? Тоска по старым добрым временам – страшная штука; зачастую все плохое забывается, и даже жуткие вещи уже не вызывают страха. Почему? Потому что их пережили. И кто-то обоснованно, а кто-то не очень рассчитывает на повторное везение.

Сыграть с судьбой в рулетку? Непременно русскую, разумеется?

Ну его на фиг.

Пусть нам с Колей от Лиги ничего хорошего ждать не приходилось, но, наверное, даже неплохо, что пар вышел в свисток и не случилось крупных потрясений. Кто знает, чем бы иначе все обернулось? Мы бы точно оказались в первых рядах...

Подъехав к Арсеналу, я оставил машину на служебной парковке и с карабином в руках отправился регистрировать оружие. А дабы не нервировать лишней раз охрану, отомкнул магазин и сунул его в карман.

Но караульных «вепрь» несколько не заинтересовал, проблемы возникли там, где не ждал. Тетенька-регистратор открыла мое личное дело и сразу спросила:

– Почему копию паспорта до сих пор не принесли?

– А разве не принес? – попытался я прикинуться шлангом.
Не вышло.

– Сдать копию удостоверения личности нового образца требовалось до февраля, а сейчас апрель заканчивается!

– Это какая-то ошибка...

– Ничего не знаю, – отрезала тетенька. – Без паспорта ружье не зарегистрирую.

Я обреченно вздохнул. Паспорта у меня не было. Точнее, был, но еще российский и совсем на другую фамилию. Светить ее не хотелось, а получить местный паспорт без каких-либо подтверждающих личность документов – та еще морока.

– С Атамановым соедините, пожалуйста, – попросил я, благо очередь на прием за мной никто не занимал.

Регистратор недовольно хмыкнула, но отказывать в просьбе не стала. Несколько раз крутанула диск телефонного аппарата, набирая внутренний номер, и протянула мне трубку.

Я натянул шнур, а когда послышалось хрипкое «слушаю», быстро произнес:

– Здравствуйте, товарищ Атаманов, Хмелев моя фамилия.

– Приветствую, Слава, – отозвался Атаманов, с которым мы были шапочно знакомы. – Ты в здании, что ли?

– Да тут такое дело, принес ружье регистрировать, а каких-то бумажек в деле не хватает, и никак...

– Ну-ка передай трубку, – послышалось в ответ.

Я выполнил распоряжение, но после недолгого разговора с начальством регистратор протянула трубку обратно.

– Вас, – хмыкнула она.

– Да?

– Слава, – укоризненно протянул Атаманов, – ты до сих пор паспорт не получил? Как некрасиво, обещал ведь! А нас проверяют и премии лишают из-за твоего разгильдяйства.

– Да я оформлю...

– Вот это правильно. Оформляй и приходи.

– Петр, – начал я немного закипать, – у меня нет российского паспорта. А таких гимназисты проверяют на задвоение, это все на месяцы растянется.

– Ничего страшного. Приходи через месяцы.

– Да у меня патрулирование района на этой неделе по графику! Я же в резерве!

Этот аргумент заставил Атаманова надолго замолчать, а потом он вновь попросил передать трубку регистратору. Та молча выслушала распоряжение начальства, приложив линейку, оторвала часть разлинованного листа клетчатой бумаги и принялась что-то на нем быстро писать.

– Поднимитесь в двести седьмой, – потребовала она, передав мне заполненное направление, – как оформите заявление на выдачу паспорта, возвращайтесь за разрешением. Только отметку поставить не забудьте!

Ничего не оставалось, кроме как пойти на второй этаж. В двести седьмом кабинете, угловом и потому просторном и светлом, вел прием молодой парень в штатском, еще один вольнонаемный выглянул из соседнего помещения, когда выяснилось, что у меня нет при себе никаких документов.

– У-у-у... – протянул он, выслушав коллегу. – Это все небыстро. Месяц проверка идти будет, а то и дольше.

– Да хоть год! – прямо заявил я. – Вы только отметку поставьте, что заявление принято!

– Тогда давайте оформляться...

Для начала пришлось заполнить анкету, затем приложить ладони к хрустальному шару, который считал отпечатки пальцев, а заодно отсканировал ауру.

– Все? – спросил я, разминая занемевшие пальцы.

– Нет, пройдемте, – пригласил меня гимназист в соседнее помещение.

Там прямо посреди комнаты на полу медными полосами была выложена шестиконечная звезда, ее близнец обнаружился и на потолке.

– Становитесь внутрь, – распорядился колдун, занимая место оператора. – Только сначала все магические устройства снимите. – И он указал на пластиковую коробку.

– Зачем еще? – не сдвинулся я с места.

– Глубокое сканирование ауры, – пояснил гимназист. – Без этого не обойтись, вдруг вы уже паспорт на другое имя оформили.

– А шар что делал?

– Здесь идет более тщательный анализ, это упрощает поиск по базе данных и снижает риск злоупотреблений.

– Не опасно?

Колдун позволил себе снисходительную улыбку.

– Нет.

Я с обреченным вздохом снял с шеи отводящий пули амулет, выложил из кармана связку ключей и шагнул в центр звезды. В тот же миг мигнула вспышка; казалось, она просветила меня насквозь, но сразу послышалось раздраженное:

– Я же сказал, все магические устройства!

– А что такое?

– Что-то закрывает вашу ауру от дистанционного считывания. И это точно не естественная аномалия!

– Ерунда какая-то, – пробормотал я и вдруг почувствовал легкое жжение на левом запястье. Оттянул рукав и продемонстрировал гимназисту витой браслет. – Из-за этого может быть?

Колдун встал из-за пульта управления, подошел, присмотрелся и кивнул.

– Именно из-за этого. Неужели всех функций не рассказали?

– Да как-то их слишком много, – хмыкнул я и потерял нитяной браслет. – Никак не обойти?

– Никак. Придется срезать.

Я беззвучно помянул нехорошим словом всех бюрократов, вместе взятых, выщелкнул выкидной нож и перерезал нитки.

– И второй?

– И второй, – подтвердил гимназист, возвращаясь на место. – Готовы?

– Да.

Вновь мигнула вспышка, перед глазами вспыхнули звезды, встали дыбом волосы. Но в целом – ничего особенного, будто низковольтный разряд пропустили.

Я убрал нож в карман и спросил:

– Порядок?

– Да, можете выходить.

Медные полосы на полу тускло светились, я ступил через них с легкой опаской, но никаких неприятных ощущений не возникло. Переступил и переступил.

– Это все?

– Да, можете быть свободны.

Я вернулся в кабинет, получил заветный квиток и поспешил на первый этаж. К счастью, тетенька-регистратор никуда не ушла, поэтому уже через четверть часа у меня на руках оказалось новенькое удостоверение с вписанным в него серийным номером «вепря».

Пустячок, а приятно.

Из Арсенала поехал на Колхозный рынок, намереваясь перекинуться парой слов с Сергеем Платоновым. После недавнего похищения кондуктор все свои деловые встречи проводил именно там, поскольку за порядком на рынке присматривали вооруженные до зубов бойцы Братства, и нашим многочисленным недоброжелателям, да и дружинникам тоже, ходу туда не было.

Просторная стоянка у рынка оказалась почти пуста; я припарковал пикап у самого входа и, не став сворачивать в продуктовые ряды, сразу направился в административно-хозяйственный блок, где торговали промышленными товарами – кустарного производства местными и привозными.

– Всем привет! – поздоровался, заходя в магазинчик с охотничьей одеждой и зимней обувью.

– О, Слава! – удивился Платон и, бросив подбивать бухгалтерию в толстой общей тетради с клеенчатой обложкой, протянул мне руку. – Каким ветром занесло?

– Да так, – усмехнулся я, выложил на прилавок «вепрь» и ответил на рукопожатие. Затем поздоровался с Дмитрием – худым и жилистым охранником кондуктора, который сидел в удобном кресле у входа. – Мимо проходил.

– Светлана, будь добра, принеси Славе кофе, – попросил Платонов продавщицу, упитанную и вместе с тем миловидную. – Слава, ты ведь будешь кофе?

Я кивнул. Намечавшийся разговор не предназначался для посторонних ушей.

– Так, говоришь, мимо проходил? – спросил Серега, когда мы остались наедине. Отгородившийся от нас газеткой Дмитрий был своим, от него секретов не держали.

– Слушай, Платон, ты чего-нибудь в микробиологии понимаешь? – спросил я, расстегивая куртку.

Кондуктор заржал, его телохранитель опустил газетку и посмотрел на меня с неприкрытым интересом.

– Seriously? – фыркнул Платонов, отсмеявшись. – Я и микробиология?

– Ладно, тогда пиши техзадание, – вздохнул я. – Нужен лабораторный комплекс, ну или какая-нибудь установка для разведения дрожжей. Чтобы они размножались и не дохли, понимаешь?

– Не понимаю.

– Не вырождались чтобы. Блин, я сам в этом не разбираюсь, уточнишь у кого-нибудь.

– У кого?

– Интернет!

– А деньги?

– Ты найди сначала, – резонно заметил я, принимая кружку с кофе у вернувшейся в магазин продавщицы. – Спасибо.

– Тебе зачем? – Платон достал из-под прилавка бутылку коньяка, плеснул себе, не стал обделять и меня. – Оно ведь не окупится, даже если самое дешевое и примитивное оборудование брать. Правильно говорю?

– Самое дешевое и примитивное, – подтвердил я. – А насчет окупаемости подумать надо.

– Тебе упаковки в полкило на сколько хватает?

– Не в этом дело.

– А в чем тогда? – удивился кондуктор.

– В локализации производства, – ухмыльнулся я. – Ты разузнай просто, появилась одна мыслишка.

Платон остро глянул на меня поверх кружки и отставил ее, не став пить. Стремление к независимости от поставок из нормального мира он расценил камнем в свой огород и был не так уж неправ. Но сейчас я хотел не столько подстраховаться на случай возможного форс-

мажора, сколько перекрыть кислород пивоварне «Западного полюса». Я точно знал, как осложнить им жизнь, но для начала хотел оценить, на сколько при этом придется потратиться самому.

– По дороге в Лудино расскажу, – пообещал я, допил кофе и взял ружье. – Все, побежал!

Крепкий напиток в сочетании с коньяком изрядно взбодрил, призрак депрессии отступил, настроение заметно улучшилось. Но – ненадолго. Только вышел на улицу, и сразу с языка сорвалось ругательство: пикап стоял со спущенными колесами.

Я завертел головой по сторонам, но никого подозрительного поблизости не крутилось. Впрочем, не было видно и охранников.

Приближаться к пикапу я не стал, сначала воткнул в карабин магазин с картечью и оттянул рукоятку затвора, досылая патрон. После обошел автомобиль со всех сторон, не заметил ничего подозрительного и присел, заглядывая под низ. Тоже чисто.

Блуждания вокруг машины с карабином в руках не остались незамеченными для охраны, и с другого края стоянки ко мне двинулись два крепких парня в бронежилетах и с чарометами наперевес.

Я демонстративно выложил «вепрь» на капот, не желая провоцировать братьев на резкие движения, но те, к счастью, знали меня в лицо.

– Что-то случилось? – поинтересовался один из них. Помимо чаромета и алхимических зарядов в кармашках разгрузки на поясе у него висел короткий тесак в неброских пластиковых ножнах.

– Ага, – кивнул я и указал на внедорожник.

– Лихо, – удивился охранник и по рации вызвал старшего смены.

– Да сразу Климова зови, – обреченно махнул я рукой.

Клим подошел минут через пять, когда братья уже проверили пикап на предмет взрывных устройств и прочих неприятных закладок.

– Слава, а ты, как вижу, уважать себя заставил, – посмеялся начальник охраны рынка и взял с капота внедорожника один из демонстративно выставленных в ряд золотников.

– Думаешь?

– Ножом ткнуть куда проще. И быстрее. Значит, уважают.

– Издеваются, скорее... – пробурчал я, отпер автомобиль и подключил к прикуривателю электрический насос.

– Опять проблемы?

– Похоже на то.

– Зайдешь?

– Если только твои орлы за машиной присмотрят, – фыркнул я.

– Присмотрят, не сомневайся.

– Тогда зайду, – пообещал я и начал накачивать шины.

Приподнятое настроение испарилось без следа.

Домой ехал медленно и осторожно, аккуратно огибая попадавшие на дороге выбоины. Просто голова другим была занята, не хотелось скорость повышать. Требовалось обстоятельно все обдумать и спланировать дальнейшие действия, но информации катастрофически не хватало. Ясно было одно: кто-то целенаправленно выводил меня из зоны комфорта.

Это только на первый взгляд патрон на капоте и спущенные колеса сущей ерундой кажутся. Нет, это намек. Призыв одуматься и поменять линию поведения, пока не случилось чего-либо непоправимого. Меня будто дружески по плечу похлопали в подворотне темной ночью и напомнили призыв кота Леопольда жить дружно. В таких делах контекст зачастую важнее самого события бывает.

А контекст был поганым. У каждого из нас есть своя территория, куда нет хода чужакам. И мне последовательно давали понять, что безопасных мест больше не существует. Сначала

достали у бывшего штаба Патруля, теперь укололи у Колхозного рынка, наплевав на мои дружеские отношения с начальником тамошней охраны.

Что дальше? В бар заявятся?

Заявятся, пожалуй. Вопрос только кто – Ханин, Селин или горожане?

Лигу в я расчет не брал: ведьмы точно придумали бы нечто более изощренное, благо времени на подготовку у них было предостаточно. А тут конкретно так мускулами поигрывали.

Загнав пикап в каретный сарай, я сходил в баню и растопил печь, потом заглянул в бар, который по случаю понедельника от посетителей вовсе не ломился, занято было только два стола. Разрядив «вепрь», я воткнул в него магазин с пулевыми патронами, сложил приклад и убрал ружье под прилавок. Помеченные кольцами разноцветной изоленды магазины разложил рядом. Жезл «свинцовых ос», наоборот, забрал, намереваясь кинуть его в машину.

Как ни крути, на такие игрушки дружинники куда спокойней реагируют, нежели на ружья. По Форту лучше с «Шершнем» кататься, его даже в салоне не всегда оставлять придется.

– Все нормально? – спросил Иван, наполняя пивом очередной бокал.

– Да, – подтвердил я. – Вымотался что-то, пойду вымоюсь.

– Хорошо.

– Накачай кувшин светлого, – попросил я и поднялся в спальню. Там надолго задерживаться не стал, только скинул верхнюю одежду, сунул револьвер в кобуру и сразу отправился в баню. Та еще толком прогреться не успела, но меня это ничуть не смутило. Расположился у печки, пил пиво и думал.

Если бы от меня требовались какие-то немедленные уступки – намеки были бы гораздо более прямыми, а значит, пока просто готовят почву для предложения, от которого не получится отказаться, и резких движений ждать не стоит. Можно не беспокоиться по поводу выстрела в спину или заложенного у ворот фугаса. Я был нужен целым, невредимым и сговорчивым.

Пиво подошло к концу, тогда я наскоро сполоснулся, отнес «Шершень» в каретный сарай и кинул его на пассажирское сиденье, а потом побежал в бар.

– Вика и Юля подойдут сегодня? – спросил помощника, вспомнив о срезанных при оформлении паспорта браслетах.

– Они в гостевой комнате переодеваются, – ответил Иван и поинтересовался: – А что?

Вместо ответа я продемонстрировал пустые запястья.

– Сейчас пришло, – пообещал Грачев и утопал наверх.

Гостевая комната на втором этаже как-то незаметно превратилась в комнату Юли, Вики и Вани, но меня это обстоятельство вполне устраивало. Очень даже неплохо иметь в своем распоряжении двух колдуний, которым не приходится платить сверх возмещения трат на приобретение расходных материалов и покупной магической энергии. Жаль только, в отличие от Санитародея гимназистки были не сильны в построении заклинаний длительного действия, их чары требовали постоянного обновления.

Сев на табурет, я взял оставленную Иваном газету, но только развернул ее, со второго этажа спустились колдунии. Судя по сложному макияжу, у девушек были какие-то планы на вечер, но сплести защитные браслеты они не отказались.

Я выставил перед собой руки, Юля с Викой принялись сноровисто вязать на запястьях нитяные жгутики. С каждым разом работа занимала у них все меньше времени, и обычно я даже не успевал заскучать, но сегодня не выдержал и закрыл глаза.

– Все хорошо, дядя Слава? – участливо поинтересовалась Юля.

– Глаза устали, – ответил я и, надо сказать, соврал. Просто не хотел лишний раз глазеть на глубокий вырез ее декольте. Да и вязаное платье Вики обтягивало немаленький бюст гимназистки более чем откровенно.

А Ирину из Северореченска раньше середины июня ждать не приходилось. М-да, проблема...

Минут через десять браслеты оказались завершены. На левой руке нити были преимущественно синие, зеленые и красные; на правой преобладал черный, желтый и белый цвета.

– Какие планы на вечер? – спросил я, раскатывая рукава рубахи.

– Пригласили на вечеринку, – сказала Вика.

– Дождемся Ивана и пойдем, – пояснила Юля.

– А забирайте его! – разрешил я. – Вань, слышишь? Иди, за баром сам присмотрю.

– Точно? – выглянул из подсобки удивленный Грачев.

– Иди! – повторил я.

– Спасибо, дядя Слава! – радостно рассмеялась Юля. Вика чмокнула меня в щеку, и девчонки убежали на второй этаж собираться.

Я покачал головой, налил полбокала пива и поторопил помощника:

– Шевелись, пока не передумал! – Но тут в бар зашел заместитель начальника городского Арсенала Смирнов, и я поправился: – А нет, Вань, не передумаю. Петрович, ты без компании? Давай к стойке!

– Угощаешь? – деловито поинтересовался Смирнов, расстегивая полушубок.

– Комплимент за счет заведения, – расщедрился я, наполняя ему бокал.

– Комплимент – это лучше по маленькой.

Я пожал плечами и достал бутылку самогона. Набулькал две рюмки и отвлекся на слишком уж легкие наряды спустившихся в бар гимназисток. Одна в коротенькой юбчонке, у другой платье ничуть не длиннее, куртки у обеих несерьезные какие-то. Еще простудятся, не дай бог.

– Обожди, Петрович, – попросил я, заглянул в коридор и поинтересовался у Ивана: – Куда собираетесь, есть где машину бросить?

– Да не проблема. А что?

– Бери пикап, – протянул я помощнику ключи от машины. – Только завтра подъезжай не позже десяти.

– Буду как штык! – заявил Грачев и вдруг прищелкнул пальцами. – Да, совсем забыл! С «Западного полюса» кеги так и не привезли.

Для меня это оказалось новостью и новостью не слишком приятной.

Еще не хватало, чтобы они обратную тару зажали! И так одни убытки от них теперь.

– Завтра им позвоню, – решил я, вернулся за стойку и взял рюмку. – Воздрогнем?

Петрович кивнул и выпил. Выпил вслед за ним и я.

Клондайк

27 апреля, понедельник

Маячок я в субботу под бампером джипа нашел. Обычный такой маячок кустарного изготовления, который можно в Кишке купить в половине лавок. Показал Сане, тот лишь плечами пожал. В «ниве» ничего не оказалось. Снимать его я пока не стал – все равно не секрет, что я домой вернулся, так что и нечего показывать врагам, что их трюк разгадан.

Воскресенье я провел в подвале за работой и дома с книжкой, в понедельник до семи в магазине просидел, так что тоже маячка не трогал. К семи Дмитрий подъехал, загнал свой «рэм» во двор, пересел ко мне, и мы выехали на патрулирование, как нас мудрое командование и обязало, доложившись по радиии, что уже приступили к выполнению боевого задания. Затем уже я маячок отковырял и перецепил его на «ки-блэйзер» Селина, стоявший у заднего крыльца

«Ширлей-Мур», куда специально подъехал. Просто так, пусть будет. У них камера на стоянку уже год как не смотрит, и все не починят. Вот пусть страдают.

Дежурство – вещь довольно скучная, наверное. Пока еще люди на улицах, хоть понаблюдать можно, а когда совсем поздно становится, так и вовсе смотреть не на что, зато думать можно. Дмитрий по жизни молчун, так что идеальный компаньон, тоже сидит и о своем думает. Проедемся, встанем где-то, откуда в несколько сторон наблюдать можно, постоим. Время от времени с диспетчером Дружины на связь выйдешь, скажешь, что без происшествий. А оно пока и правда без происшествий было. Один раз у того выхода из Кишки, что на перекрестке с Кривой, вроде бы драка намечалась, да так и не наместилась.

Да и не занимаемся мы драками сами, наше дело дружинников вызывать. Сами вмешиваемся, только если совсем злодейство какое-нибудь или тварь увидим. А на пьяные скандалы, семейные разборки, кражи и прочее – это дружинники едут.

Твари же в брошенных домах обычно зарождаются. Не часто, но все же бывает. Ну и вообще любое движение в таких районах вызывает подозрение. Что там нормальному человеку делать? Ночью даже машины там не ездят, а уж если пешеход, то точно подозрительно.

Поэтому когда увидел двух парней, быстро идущих по улице, я прибавил газу, а Дмитрий, высунув руку в окно, осветил их мощным фонарем. Отреагировали они предсказуемо – рванули в сторону, забежали в дом с выломанной дверью, а когда мы заскочили следом, их и след простыл – выпрыгнули в окно, перелезли через забор и уже бежали где-то в соседних дворах. Гоняться мы все равно не собирались – главное, что спугнули.

Но в дом зашли. Я огляделся, посветил вокруг себя фонариком. Как я уже говорил, район за нами был застроен практически такими же кирпичными особняками, как тот, который мы с Хмелем купили. Просто нашему повезло, в нем все время кто-то находился, а тем, что были дальше, – уже нет. Их помародерили, утащили стекла, двери, но вот крыши, например, на многих так и остались на месте. То есть по факту вот этот дом вполне ремонту подлежит, как мне кажется. Плесень могла завестись, но вот именно плесень здесь СЭС научилась вытравливать без остатка, это не проблема. Магия бьет ее наповал.

– Что смотришь? – спросил Дмитрий.

– Да так, думаю... это же все восстановить можно.

– Наверное, – пожал он плечами. – Если знать как. А что тут можно сделать?

– Дорогой особняк, например. Две квартиры на двух этажах. Или по вертикали дом пополам разделить. Элитное жилье, так сказать.

– И кто тут жить будет, в этом районе? – хмыкнул он скептически.

– Никто. А вот если весь район восстановить...

– Кирпича не хватит. На нем одном разоришься.

Это да, со стройматериалами в Форте тоже не очень. Мало тут строились, а для «Поляны» кирпич золотым обходился.

– Может, и так, – кивнул я.

– А это что?

Дмитрий подошел к подоконнику, присел, аккуратно поднял с пола маленький пакетик, точнее – сверток синей изоляции. Он достал нож, аккуратно надрезал его, посветил.

– Наркота.

– А чему еще быть? – пожал я плечами. – Вон еще один лежит. Из кармана посыпалось, наверное. Только не знаю какая.

Дмитрий достал из кармана чарофон, активировал функцию счетчика излучения, поднес к веществу.

– Фонит чуток, – сказал он. – Сто пудов алхимическое. Чистый криминал, тяжелый.

Это верно, вся наркота с алхимической составляющей под самыми тяжелыми статьями здесь. Бывает и такая, за которую сразу суд и виселица. Фортовские власти к ней очень нервно относятся, тут когда-то целая эпидемия с «мозговертами» случилась, торговцев даже линчевать на улицах разрешили, так все плохо было. И кстати, именно на ней Линева всерьез поднялся, как Хмель рассказал когда-то. Он вроде разработал операцию, по результатам которой это дело пресекли.

Поэтому я связался с дежуркой центрального участка Дружины, дал приметы несунув, какие запомнили, получил указание улики запаковать и потом сдать. Не успели еще из особняка выйти, как мимо проехала «буханка» с синей полосой, помигав нам фарами. Подтянулись.

А мы вернулись к машине и неторопливо поехали дальше.

Большой район, я пятнадцать домов насчитал, и все не то чтобы в хорошем состоянии, но в исправном, как мне кажется. Каждый дом со своим двором, все еще и с подвалами наверняка. Ну да, раз у нас есть подвал, то и в этих должны быть. И район Лиги... вот это хуже всего, потому что бабы – дуры.

Хмель

28 апреля, вторник

Проснулся затемно.

Ничего странного в этом не было: рано лег – рано встал. И поскольку выпивкой вчера не увлекался и весь вечер цедил единственный бокал, самочувствие несколько не беспокоило, разве что немного затекли предплечья. Но с тех пор как перестал пить по утрам разноцветные пилюли Бородулина, это стало обычным делом. Пару минут поработал эспандером, быстро размялся и почувствовал себя полным сил. Но не настолько, чтобы заняться чем-нибудь по хозяйству.

Открывать бар было слишком рано, поэтому я без всякой спешки умылся, почистил зубы, оделся и спустился вниз приготовить холостяцкий завтрак. Дело это было вовсе не быстрым, пока топилась печь, успел сходить в подвал, подкинуть угля в котел и как следует поколотить висевшую в углу боксерскую грушу. Потом выпил остававшийся в термосе со вчерашнего дня чай и съел пару вчерашних же пирожков с ливером.

Но разве это завтрак? И ливер не особо люблю, и горячего хочется.

Я решил не мудрствовать и приготовить на скорую руку яичницу с беконом. Заодно поставил на плиту чайник, благо заварочник был почти полон. Прислушиваясь к веселому шкворчанию яиц на сковороде, взял батон, ветчину, кухонный нож и с разделочной доской ушел в бар готовить бутерброды.

Пусть яичница уже с беконом, но по мне – колбасы много не бывает. Холодно опять же, в нашем климате постоянно есть хочется. Постоянно и помногу. Чай, не тропики, чтобы одни соки-воды целый день попивать.

Послышался свист, я бросил нож на разделочную доску и вернулся на кухню. Снял с огня закипевший чайник, убрал с плиты сковороду с уже готовой яичницей, но только собрался приступить к трапезе, к бару подъехал автомобиль. Иван без всякого сомнения загнал бы пикап на задний двор, но мог заскочить перекусить Клондайк, который сегодня патрулировал округу, поэтому я подошел к окну и выглянул на улицу.

Нет – перед крыльцом стояла «газель» с надписью «Западный полюс» на борту.

Объявились наконец!

Из машины выбрались двое грузчиков в одинаковых синих спецовках; я отодвинул засов и пошел к стойке. Помогать таскать кеги не собирался в любом случае. Не барское это дело.

– Ставьте в коридор! – распорядился, когда за спиной распахнулась дверь.

И сразу потянуло паленым. В первый миг решил, будто подгорело на кухне, но миг спустя болью опалило левое запястье, там, где его охватило плетение нитяного браслета.

– Что за черт?!

Я резко обернулся и просто остолебенел: мало того что грузчики заявили в бар без кегов, так в руках стоявшего у двери парня ослепительным синим блеском сиял непонятный амулет.

Сияющий амулет и сгоревший браслет. Грузчики и оставленные в «газели» кеги...

Я опустил руку к поясу – и тотчас сорвался с места ближайший бугай. Прежде чем удалось нащарить револьвер, парень врезался в меня и со всего маху впечатал спиной в барную стойку, так что прикрытая рубахой кобура оказалась зажата. Еще и пальцы отшиб.

Грузчик шустро отвел для удара немалых размеров кулак, и я воткнул ему в шею схваченный с разделочной доски нож. Раненый захрипел и отшатнулся, но воспользоваться передышкой не удалось: напарник подранка кинулся на меня, замахиваясь телескопической дубинкой.

Подобные штуки обыкновенно дополнялись оглушающими заклинаниями, поэтому я завалился спиной на стойку и со всех сил лягнул ногой. Толчок подошвой ботинка отбросил парня назад, но и меня самого перекинуло через прилавок, падение на пол на миг выбило из легких воздух.

Извернувшись, я ухватил лежавшее под стойкой ружье и поднялся на ноги уже с «вепрем» в руках. Будь это постоянно готовый к выстрелу жезл «свинцовых ос», на этом бы все и закончилось, а так пока дергал рукоятку затвора, досылая патрон, грузчик оттолкнулся от стола и метнулся в сторону как раз в тот миг, когда грохнул выстрел.

Резвость жертвы вкупе со сложенным прикладом и немалая навеска пороха сыграли свою роль, и пуля впустую пробила окно. Рыкнула мотором «газель», парень перепуганным зайцем вылетел на улицу, и второй раз я стрелял уже вдогонку через захлопнувшуюся дверь. Бам!

Сметая посуду, я перескочил через стойку и бросился на выход, на бегу раскладывая приклад. Пинком распахнул дверь, выскочил на крыльцо и сразу присел, но предосторожности оказались излишними: фургон сорвался с места, свернул за угол дома и скрылся во дворах.

Не успел!

Вспомнив о подранке, я поспешил вернуться в бар, но у стойки на полу никого не оказалось, лишь пятнала пол немалых размеров лужа крови. Засов задвинул вслепую, удерживая ружье одной рукой, потом упер приклад «вепря» в плечо и неспешно двинулся по проходу меж столов, благо следовало просто идти по алому следу.

Натекшая из раны кровь выглядела размазанной, словно парень полз, не в силах подняться на ноги; тут и там на глаза попадались отпечатки ладоней. Обогнув стойку, я увидел ничком замершее на полу тело и особо этому обстоятельству даже не удивился. Выдернул из кобуры револьвер, взвел курок, отложил на ближайший стол карабин. Держа на прицеле бритый затылок, осторожно опустился к нападавшему, прикоснулся к шее.

Пульса не было. Единственный удар ножом оказался смертельным.

Что ж, случается и такое.

Я ногой отпнул в сторону выдернутый покойником из раны кухонник, отступил от тела и достал из кармана карго-брюк чарофон. Попытался связаться с Гордеевым, но тот на вызов не ответил.

Тогда я подтянул к себе стул, уселся на него и уставился на мертвеца, решая, как быть дальше. Вызывать дружинников в свете последних событий не хотелось. Вот не хотелось, и все тут. Хотелось перетащить тело через дорогу и оставить в сугробе, но столь неосмотрительный поступок был чреват неприятностями куда большими, нежели придирки следователей.

Клондайк

28 апреля, вторник

Выехали на Красный, докатили до перекрестка с Кривой, постояли там. Потом спустились в Кишку с дальнего входа, где работала круглосуточная кофейня, куда ходили охранники, уборщики и прочий люд, работавший здесь, выпили по чашке жидковатого, но горячего кофе

с молоком. Дело уже шло к утру, было тихо, лица у людей вокруг сонные и какие-то пришибленные, какими им в это время и положено быть.

Начались сумерки, они в апреле в четыре утра наступают, и в Приграничье тоже, только здесь они тянутся и тянутся, так что пустота на улице кажется немного странной. Примерно в шесть началось движение – появились первые пешеходы, кому на работу пораньше, покатали грузовики-мусорщики – одно из главных достижений новых времен в Форте. Раньше с вывозом мусора, говорят, беда была. Таскали по возможности в заброшенные районы. Зимой еще как-то, а вот что к лету там начиналось – вообще трндец. Те же Эстонские болота до сих пор трогать боятся, чтобы не завоняло.

Потом попались навстречу два тяжелых грейдера – пытаются улицы чистить. Тоже примета новой жизни. Пусть я сюда и провалился, но как-то вовремя, наверное. От старожилов, от того же Смирнова, под рюмку чего только не наслушался про былые времена.

Я вновь свернул в заброшенный район, оглядываясь по сторонам. Дмитрий зевнул, сказал:

– Час остался – и по домам можно.

– Угу, отдежурили, считай. Спокойно было.

Ровно в этот момент я услышал два приглушенных выстрела, каких при этом не спутаешь – дробовик. И донеслись они примерно с той стороны, где наш дом, потому что ехал я сейчас по Сиреневой, а это как раз и есть улица, на углу которой и Красного проспекта наш особнячок и расположен.

Дмитрий тоже услышал, аж подскочил, схватился за свой «вепрь», который держал стоймя между ногами, стволом вниз. Затем серенький фургончик с какой-то надписью на борту выехал из-за поворота, с заносом вкатился на Сиреневую и проскочил мимо нас. Я успел рассмотреть надпись: «Западный полюс».

– Держись!

Развернуть с заносом «широкого» не получилось, скорость была маловата, а зубастые покрышки вцепились в лед, так что разворот получился в два приема. Тем временем «газель» оторвалась от нас где-то на квартал и неслась дальше, набирая скорость.

Догнали мы ее быстро – рядная шестерка легко разогнала джип, и буквально через несколько секунд мы повисли на хвосте у фургона. Тот еще попытался прибавить скорости, насколько получилось, но оторваться не смог, разница в мощности у нас ну очень большая. Однако и обогнать их мы тоже не могли – улица узкая, с обеих сторон сугробы. Мне бы чуть-чуть вырваться, дальше я своим силовым бампером смогу толкнуть фургон за задним колесом, и его просто развернет, но даже так вырваться не получалось. Ну ничего, еще будет возможность, все равно не уйдет.

Машины трясло на неровном льду, фургон еще и болтало, он мел хвостом. Водитель изо всех сил старался хотя бы удержать его на дороге, и получалось это явно с большим трудом. Проносились мимо пустые дома с темными провалами бесстекольных окон, деревья, столбы без ламп и проводов, заваленные заборы. Но ни машин, ни людей, только мы. Что и к лучшему.

Дмитрий опустил стекло, половчей перехватил короткий дробовик, явно размышляя над возможностью пальнуть в колесо, но колес с этой позиции видно не было. В кузове фургона кто-то сидел, я пару раз замечал лицо за стеклом задней двери, но удержаться на ногах он не мог, похоже.

Дальше не такая уж и длинная Сиреневая закончилась. Выбор у преследуемого был простым – или направо, к штаб-квартире Лиги, или налево, дальше меж заброшенных домов. Он сбросил скорость, начал поворачивать налево, и я этим воспользовался. «Чероки», тоже притормозив, несильно ударил своим железным бампером с кенгурятником в задний левый угол фургона, потащил его на разворот. Тот сразу же потерял траекторию и со всего хода вылетел на левую обочину, в сугроб и в старый бетонный столб за ним. Взлетел фонтан комковатого

снега, послышался гулкий удар, я нажал на тормоз, чуть подвернув руль, чтобы нас развернуло носом к «газели», перекинул рычаг трансмиссии в «паркинг» и рванул из машины, выдергивая «кимбер» из оперативки из-под расстегнутой куртки, одновременно скидывая предохранитель.

Задняя дверь фургона распахнулась, в ней показался вооруженный автоматом человек. Я прицелился в него, но Дмитрий успел первым, пальнул в него двойкой из своего «вепря». Полыхнула тусклая вспышка, тот лишь дернулся и завалился назад, внутрь машины, выронив оружие. Гулкое эхо метнулось по пустой улице, вернулось к нам, мгновенно сменившись тишиной, в которой я слышал лишь свое дыхание. И я уже бежал к водительской двери, с оружием на изготовку.

– Замер! Замер, сцуко! Не шевелиться! – заорал я, направив через окно ствол в голову водителю.

Тот выглядел ошеломленным – видать, влетел грудью в руль при ударе, и из носа текла кровь. Пока он даже не очень хорошо соображал, что происходит. Я видел обе его руки, оружия в них не было, и не было никого на сиденье рядом с ним. Рванул дверцу, тут же схватил его за шиворот, вытащил из-за руля, бросив на дорогу лицом вниз, заорав на этот раз: «Руки за спину! Руки за спину!»

Он сопротивляться не стал. Руки ему я плотно стянул пластиковым хомутом из тех, что нам выдали в свое время, поднялся, оглядываясь.

– Двухсотый, – сказал Дмитрий, выходя из-за машины. – И больше никого.

Вид у него был вполне спокойным. Он сменил магазин в дробовике, огляделся в поисках новых опасностей, но вокруг было тихо, лишь где-то вороны каркали, разгалделись. Негромко тарахтел двигатель джипа. Я подошел к водительской двери, повернул ключ. Тогда заблымкала наминалка о том, что я этот самый ключ забыл вытащить, поэтому пришлось его выдернуть и положить в карман.

– Ну что, посмотрим, что у нас есть?

– Давай, – кивнул я.

Мы быстро обыскали арестованного. Нашли на нем большой нож вроде «боуи», явно с какой-то магией, «городской» алхимический браслет-амулет от пуль, но не такой, какие мы припрятали, а другую модель, «дырокол» с увеличенным аккумулятором.

С убитого взяли АКМС, но переделанный, с укороченным почти под самый газоотвод стволом. На такие мода с Ирака пошла, там и наемники подобное мастерили, чтобы в машине было удобней оперировать, и местные радикалы, чтобы прятать под одежду. И вот гля, сюда доехало.

Четыре магазина, «глок» под сорок пятый, без запасного, еще один амулет от пуль, такой же, как и у водителя, еще «дырокол», обычный, плюс «Щелчок» в петле на запястье... нормально так ребята вооружились.

Документов ни на ком не было.

Потом вдруг мысль стукнула: Хмель!

Схватился за чарофон, ткнул в двойку, он ответил почти сразу.

– Слава, ты там живой? Это к тебе приезжали?

– Ко мне. Живой. Одного положил, двое сбежали.

– Вызвал Дружину?

– А стоит?

Я вздохнул. Потом сказал, стараясь звучать как можно спокойней:

– Слав, тебе статья точно нужна? У тебя холодный на руках, и соседи выстрелы слышали, все верно? Вызывай, короче, и я продублирую. Мы этот фургон перехватили, один пленный.

И дальше я взялся за рацию, вызывая диспетчерскую Патруля. Потом по-быстрому попытался допросить пленного, но тот просто молчал. Уже понял, что его сейчас дружинники забе-

рут, так что пугать мне его нечем. Хотя не могу сказать, что в участке ему будет лучше. И еще подозреваю, что скоро Линева нарисует. Почему подозреваю? Да потому что Кузьминку уже звоню. Правила надо соблюдать, мы теперь с ними в открытую играем. Ну, почти. В части касающейся.

Подошел к фургону, посмотрел на борт – надпись «Западный полюс» почти оторвалась. Бумага на ленте. Одеты грузчиками, в спецовках. Оба.

Заглянул внутрь – пусто.

И чего хотели? Не покушение, точно. Очередная попытка похищения? Теперь Хмель? Это как-то начинает надоедать. Из-за карты? Или что-то новенькое?

Глянул на бампер «широкого» – ничего, пара царапин. Силовой – штука полезная, хоть и тяжелая.

Послышался звук сирены. В конце улицы показался «хантер» дружинников, затем, почти сразу, на улицу выкатился «соболь» в их же цветах – это уже группа, дознаватели и прочие. Давайте теперь общаться.

Хмель

28 апреля, вторник

Неожиданно завибрировал чарофон, напугав своим жужжанием до полусмерти, я вздрогнул и поспешно ответил на вызов. Звонил Николай – он поинтересовался стрельбой, я вкратце обрисовал ему ситуацию, и Гордеев ожидаемо посоветовал без промедления вызвать дружинников, потом отключился. У него тоже без приключений не обошлось, что только к лучшему – так или иначе скоро все прояснится.

Но совет он дал верный на все сто: по соседству люди живут, могли выстрелы услышать и куда следует сообщить. А у меня труп на руках. Непорядок.

Я выругался, взял табличку «Санитарный день» и скотчем приклеил ее снаружи на дверь поверх пулевого отверстия. Подняв с пола телефонный аппарат, сообщил о происшествии дружинникам, но звонил на случай причастности к нападению Ханина не в дежурную часть, а непосредственно в приемную отдела контрразведки. Потом набрал знакомого стекольщика с просьбой привести в порядок окно.

А чего такого? Не оставаться же теперь с выбитым окном!

Неожиданно со второго этажа послышался какой-то приглушенный шум, я быстро поднялся со стула и перебежал к стене.

– Хмель? – после секундной паузы послышался от лестницы голос Сани-чародея, который не иначе как перебрался на мою половину дома через чердак.

– Я!

– Нормально все?

– Порядок!

Саня спустился на первый этаж и встал на верхней ступеньке, разглядывая окровавленное тело.

– И это для тебя порядок? – охнул он. – За пиво, что ли, не заплатил?

– Типа того, – поморщился я и укорил чародея: – А ты, смотрю, не торопился!

– Я спал! – возмутился Саня, деактивируя короткоствольный чаромет. – Проснулся – сразу прибежал.

Явился чародей босиком, в тренировочных штанах и майке-алкоголичке, поэтому сомневаться в его словах не приходилось.

К бару подъехала машина, я выглянул в окно и увидел обычный УАЗ с синей полосой на боку.

– Проваливай, – приказал Сане, когда из машины высыпали вооруженные до зубов дружинники. – Тебя здесь не было.

– С Колей связаться?

– Уже связался. У него своих проблем полон рот.

В дверь требовательно постучали, я снял «таурус» с боевого взвода, убрал револьвер в кобуру и пустил внутрь группу быстрого реагирования. Разумеется, предварительно представился, но и так один боец удерживал меня на прицеле, пока остальные проверяли бар.

– Я вас сам вызвал вообще-то, – поморщился я из-за боли в левом плече, на котором уже проступили кровоподтеки, оставшиеся от хватки зарезанного мной бугая.

– Порядок такой, – отрезал старший сержант и потребовал: – Сядьте и посидите.

– А что такое?

– До приезда следственной группы ничего трогать нельзя.

– У меня времени достаточно было так-то, – сварливо напомнил я.

– Порядок, – отрезал дружинник, не слушая возражений.

Впрочем, я особенно на своем и не настаивал. Порядок, значит, порядок.

Сел на стул. Голова кружилась, в ушах звенело.

Но – живой. А это главное...

Следственная группа прикатила на «газели» минут через десять, следом подъехал «хантер» с мигалкой. Из него выбрался худощавый господин в черном дорогом пальто, конопатый и длинноносый. Начальник отдела контрразведки Григорий Кузьминок пропустил вперед следователей, потом поднялся на крыльцо и покачал головой.

– Ну и бардак у тебя, Хмелев! – протянул он, встав на пороге.

– Так это бар, а не библиотека, – парировал я.

– Логично, – кивнул Кузьминок и отпустил старшего сержанта. – Свободны. – Но сразу поправился: – Пока не уезжайте, на улице подождите.

Бойцы группы быстрого реагирования покинули бар. Один из следователей сунул в пластиковый пакет окровавленный кухонный нож, второй занялся фотосъемкой места преступления. Вольнонаемный эксперт склонился над мертвым телом и забормотал в диктофон:

– Одна колотая рана в области шеи...

Я не стал прислушиваться к его словам и обратил свое внимание на гимназиста в длинном кожаном плаще и кожаной же фуражке с меховым подбоем. Прибывший вместе со следственной группой колдун присел у стола, под который закатился оброненный нападавшим амулет, и провел вокруг него алхимическим маркером непрерывный круг. Реагент зашипел, намертво въедаясь в доски.

– Что там? – поинтересовался Григорий, когда гимназист провел над крупным кристаллом обыкновенным ивовым прутиком.

Колдун предостерегающе вскинул руку, призывая к молчанию, и закрыл глаза, но сразу встрепнулся и поднялся на ноги.

– Хитрая штука. Парализатор.

– Почему тогда хитрая? – удивился контрразведчик. – Их в любой лавке навалом. И у каждого второго защита куплена.

– От такой ментальная защита не поможет, он непосредственно на нервную систему действует. К обороту, кстати, запрещен из-за перманентного паралича конечностей в десяти-пятнадцати процентов случаев.

– Отследить покупателя можно?

– Сомневаюсь, – покачал головой колдун и позвал следователя: – Приобщайте к вещественным доказательствам. Только голыми руками не хватайте, он хоть и деактивирован, но мало ли...

– Ладно, – вздохнул тогда Кузьминок. – Излагай, Хмелев, свою версию.

Я в двух словах рассказал, как все было, ничего не приукрашивая, ничего не упуская. Но гимназист лишь покачал головой.

– Не сходитесь, – прямо заявил он. – Парализатор был активирован. Либо его не успели пустить в ход, а значит, вы атаковали первым, либо должна быть серьезная причина, по которой он не сработал. Обычный амулет от ментального доминирования не помог бы.

– Была защита. Была! – подтвердил я и закатал рукав, демонстрируя плетеный браслет с обуглившейся зеленой нитью. – И озаботился я своей безопасностью не вчера и не позавчера. Есть свидетели. Так что не надо инсинуаций.

– Позвольте! – Колдун с интересом осмотрел браслет и даже поводит над ним ивовым прутиком. – Оригинально! – улыбнулся потом. – Задумка отличная, а вот исполнение на троечку.

– Почему это? – оскорбился я. – Сработало ведь!

– Сработало, – подтвердил гимназист, – но видите обугленную нить? Она вплетена в узлы, которые выступают ключевыми точками, и когда произойдет их разрушение, энергия плетения вырвется наружу, и вы останетесь без руки. Я бы настоятельно советовал вам от этого украшения избавиться.

Недолго думая, я выщелкнул клинок выкидного ножа и срезал браслет.

– Я больше не нужен, заключение пришлю до конца дня, – заявил тогда гимназист.

– Подождите, – задержал его Кузьминок, который до сих пор не задал мне ни одного уточняющего вопроса. – Сейчас машина в участок пойдет. Подвезем.

И точно, вскоре старший группы подошел к нам с многочисленными пакетами, в которые сложили обнаруженные у покойника вещи, и объявил, что они здесь закончили, остается лишь взять с меня письменные показания. Но Кузьминок следовать протоколу не пожелал.

– Изложи все в письменном виде до конца дня, – потребовал он, – вечером пришлю кого-нибудь.

– И еще непонятно как с карабином быть, – замялся следователь, демонстрируя пакет с двумя стреляными гильзами двенадцатого калибра. – Разрешение оформлено, огнестрельных ранений у покойника не зафиксировано.

– Хмелев, ты в кого-нибудь попал? – уточнил Григорий.

– Нет.

– Карабин оставляйте, – распорядился тогда контрразведчик.

– А с этим что? – указал я на мертвеца.

– Позже заберут в морг на опознание, – пожал плечами следователь.

– Особые приметы есть? – уточнил Кузьминок.

– Нет. Возможно, что-то под одеждой обнаружится. Карманы пустые, одежду явно специально для дела приготовили.

– Хорошо, – кивнул Григорий, – возбуждайтесь по попытке похищения, по убийству готовьте отказ. Приеду, подпишу. Да, тут стрельба недалеко была, заберете ее у Могилевского и объедините в одно производство.

– Есть основания?

– Есть.

Следователи погрузились в «газель» и уехали; перед баром остались стоять «хантер» и УАЗ группы быстрого реагирования.

Я запер дверь и спросил, заранее зная ответ:

– Что за перестрелка?

– Сосед твой фургон перехватил. Сел на хвост, когда он от бара отъезжал, и нагнал неподалеку. – Кузьминок подошел к стойке и взял чудом не сброшенный на пол бутерброд.

– Может, чай? – предложил я.

– Да, давай.

Я поднял с пола чайник, перешагнул через покойника и ушел на кухню. Набрал воды, поставил его на плиту, потом быстро нарезал булку белого хлеба и кольцо кровяной колбасы и вернулся в бар.

– Угощайтесь.

– Ты этого кадра точно раньше не видел? – указал Григорий на покойника.

– Нет.

– Не встречал в «Западном полюсе», к примеру?

– Не поручусь, – воздержался я от однозначного ответа, собрал разлетевшиеся по полу хлеб и колбасу и выбросил их мусорное ведро. Сходил за чайником, наполнил две кружки, пожал плечами. – Всего персонала в лицо не знаю.

– Владимир Михайлович уверил меня, что не причастен к этому прискорбному инциденту.

– Было бы странно, возмись он утверждать обратное, – буркнул я, откусил бутерброд и отпил чаю.

Кузьминок последовал моему примеру, потом сказал:

– Я ему верю.

– А мне, значит, нет?

– От разрыва контракта потерял ты, а не «Западный полюс». Нет никаких причин оказывать на тебя давление.

– Нормальное такое давление, – хмыкнул я, допил чай и вынес из подсобки ведро с лентяжкой. Кровь смывать лучше прежде, чем она намертво в доски пола въестся успеет.

– Правда, на фургоне и в самом деле была надпись «Западный полюс», – вздохнул Григорий, взяв с тарелки новый бутерброд, – тебе не показалось.

– Угнали?

– Гордеев говорит, ватман приклеили.

Я наполнил ведро водой, сунул в него зацепленную на лентяжку тряпку и предложил:

– Если фургон перехватили, не хотите на место съездить?

– Не хочу, – просто ответил Кузьминок и долил себе чаю.

– А чего так?

За тряпкой по полу оставались бурые разводы, но я тщательно замыл оставленный покойником кровавый след, вымыл тряпку и прошелся второй раз. Стало лучше.

Григорий доел бутерброд, потер искривленный нос и задумчиво произнес:

– Слишком много неясного в этом деле, слишком много. Когда похищают кондуктора – это одно, но в тебе какая ценность?

– Пфу! – выдохнул я. – Тоже мне бином Ньютона! Человек остается без покровительства Дружины, и на него сразу пытаются наехать, первый раз такое, что ли?

– Тебя не только Ханин опекал, так ведь? – не вдохновился этой версией контрразведчик. – Сам знаешь, как такие дела делаются. Подошли бы серьезные люди, предложили охрану, ты бы их в «Ширли-Муры» направил. Правильно? Правильно. И Селина с Гамлетом в частности заподозрить сложно: ты им живой и здоровый нужен, а не в инвалидном кресле.

Я только вздохнул. Кузьминок был кругом прав: похищать меня никакого резона не было. А если бы Ханин решил рынок перекроить, то налетчики совсем иначе бы действовать стали. С пары коктейлей Молотова начали бы, как минимум.

Начальник отдела контрразведки взял со стула пальто, надел его, оправил лацканы, затем повернулся ко мне.

– Вот я и думаю: кому ты понадобился живым?

– Понятия не имею, – поежился я.

– А еще думаю, – продолжил Григорий, – не связано ли это с тем инцидентом в Лудине, когда горожане Платона захватили, а вы его обратно выменяли.

У меня по спине побежали мурашки, но виду я не подал.

Утаить тот случай от контрразведчиков не получилось, но тогда Кузьминок глубоко копать не стал. Когда захватывают кондуктора – мотив лежит на виду. А теперь появилась дополнительная информация для размышления, и наша версия стала трещать по швам.

Поэтому я сходу отбрасывать это предположение не стал и задумчиво потер переносицу.

– Думаете, это горожане были? Расквитаться решили? Ерунда какая-то. Скорее уж Сестры Холода могли о нашем участии сами знаете в чем заподозрить.

Григорий указал на покойника.

– Это определенно мужчина.

– А если наемник?

– Не знаешь их контингент? Уголовники. Все в наколках, а здесь ни одной, по крайней мере, на виду. Больше похоже на работу горожан...

– Горожане хотели оказать услугу ведьмам? – предположил я, рассчитывая увести разговор в сторону, но не вышло.

– Не так давно Лига полностью прекратила сотрудничество с Городом. Причины конфликта нам не известны, но информация точная. Так вот я думаю, может, ты в курсе?

Острый взгляд контрразведчика заставил поежиться, но я беспечно улыбнулся.

– Чего не знаю, того не знаю.

– Ну, не знаешь и не знаешь, – махнул рукой Кузьминок. – Я тоже многого не знаю. Например, зачем ты сорвался из Форта в день, когда в Лудине захватили Платонова, и почему у тебя было разбито лицо...

Я вздохнул. О вломившихся в особняк парнях, которых застрелил в подвале, мы в Дружину во избежание неуместных вопросов сообщать не стали и закопали их в сугробе на одном из пустырей неподалеку.

– Это вопрос? – уточнил я, не став торопиться с объяснениями.

– А разве не похоже?

– Дурацкая история. На нервах тогда был, злоупотреблял. Утром упал и нос разбил. Гордеев психанул и ждать меня не стал, один уехал. А я кровь остановил и за ними сорвался.

– Долго останавливал, как мне сказали.

– Так я и здоровье заодно подлечил, об этом не рассказали разве?

Кузьминок кивнул и направился на выход. В дверях развернулся, указал на меня пальцем и заявил:

– Я за вами присматриваю, – и вышел за дверь.

Сказал «присматриваю», но УАЗ с группой быстрого реагирования укатил вслед за «хантером». Вот тебе и присмотр.

Ругательство вырвалось тихим шепотком; громче я его повторять не стал, вместо этого оттащил покойника к порогу, поменял воду и принялся в третий уже раз замывать пол. А когда за телом приехали из морга, прошелся с лентяжкой еще на раз. Особого смысла в этом уже не было, просто требовалось хоть чем-то себя занять.

Иначе на душе как-то совсем уж тошно становилось. Так тошно, что даже пить не хотелось. Не знаю, кто и зачем это устроил, но вывести меня из зоны комфорта ему удалось совершенно точно. Я даже визиту стекольщика обрадовался не столько из-за быстрой починки окна, сколько в силу возможности отвлечься на банальное обсуждение погоды.

Хорошо поговорили, в общем. Еще бы счет за работу поменьше был...

Клондайк

28 апреля, вторник

Дознаватели на месте перестрелки надолго нас не задержали. Все очевидно и понятно. Мы при исполнении были, в конце концов. Услышали выстрелы, увидели убегающую машину

с полуоторванной фальшивой надписью, погнались, те попытались скрыться, а потом еще и отстреливаться. Потребовали от нас написать рапорты, что мы пообещали немедленно сделать в месте потеплей.

Задержанного увезли в «хантере», за трупом приехала еще одна «газель» – помятая с левого бока труповозка, но такая, которая сперва в отдельный морг везет. К убитому, скорей всего, еще и колдуны наведаются, остатки ауры поснимать и все такое. Там уже на носилках один труп лежал, завернутый в полиэтилен. «Газель» злодеев, хоть и мятая, оказалась на ходу, и ее просто угнали, а мы, попрощавшись с дознавателем Могилевским, который был в группе за главного, поехали в паб.

Паб, к моему удивлению, был открыт, Хмель замыл с пола большую лужу крови, похоже, а воду выплеснул в сток у края тротуара, отчего остатки снега там порозовели и выглядели... подозрительно. Но что кровь – сразу и не скажешь, так что нормально. Дыра в двери была заклеена с обеих сторон листками бумаги, труп увезли, та же «газель» прихватила и его.

– Ну давай, наливай и рассказывай, – с порога объявил я.

Людей в пабе не было вообще покуда, рано, в это время разве что случайные и похмельные залетают, но вот сейчас никого не было. Или Хмель только открылся?

– Пива? – Хмель спросил чуть с подозрением, выразительно покосившись на часы.

– Мне чаю, – замотал головой Дмитрий.

– А мне пива, – радостно объявил я. – Это у тебя, Слава, утро, а я с ночного дежурства, сейчас спать пойду, так что самый что ни на есть вечер. С тебя показания взяли уже?

– Кузьминок, – кивнул он.

– Кузьминок? Из дружины не приезжали, что ли?

– Кузьминок сразу дело забрал. Я ему что-то про происки конкурентов загнул, но он сказал забыть. Думают, что тут что-то серьезней.

– Почему думают? – чуть насторожился я.

– Откуда я знаю? – Хмель выставил передо мной полную кружку. – Мне он не докладывал. Но есть чувство, что им что-то известно. Захват Платона припомнил, явно на Город грешит.

– Город? За картой приходили?

Вообще-то логично предположить.

– Может быть, и Город. Но вот в то, что городские шпионы мне будут колеса спускать... – Хмель покачал головой. – Как-то сомневаюсь я.

– Колеса?

– Золотники вывинтили.

Хм... ну да. Теперь уже нелогично. Если Хмеля похитить хотели, самое глупое, что можно сделать перед этим, – начать пугать. Жертва от такого только насторожится. Может, Хмель и насторожился?

– Слав, а расскажи, как было. Подробно.

– Этому сейчас чаю налью, – он показал пальцем на Дмитрия, уже севшего писать рапорт, – и расскажу. К пиву дать чего-нибудь?

– А что есть?

– Пирожки с ливером остались со вчерашнего, только холодные.

– Давай парочку, я не завтракал, окривею с пива.

Из подвала поднялся Иван, подошел поздороваться.

– У нас все приключения, – сказал.

– Да вижу. Разберемся, надеюсь.

– Хотелось бы.

Хмель оставил бар на помощника, сам подсел ко мне, за самый дальний столик.

– Ну расскажи, как было.

Хмель рассказал. Неторопливо, обстоятельно, со всеми подробностями. Ну молодец, отбился, хоть и случайно.

– Слав, вот зачем тебе оружие, если ты носишь его в обычной сумке? Держишь под прилавком без патрона в патроннике? Со сложенным прикладом? Для чего делается складной приклад?

– Для компактности? – предположил он.

– Для езды в машине. Выскакиваешь и раскладываешь. Слав, почему патрона в стволе не было?

– Ну... техника безопасности, – несколько озадачился он.

– Чьей безопасности? Того, кто на тебя нападает? Есть предохранитель, он в «вепре» удобный. Там и спуск такой, что случайно нажать трудно. То есть получается, что на тебя нападают, а ты должен достать оружие, дослать патрон, при этом без приклада это медленней, потом ты там начнешь что-то делать. Револьвер на тебе?

Он молча похлопал по кобуре под рубашкой.

– А почему не стрелял?

– Он сразу на меня кинулся. Прижал к стойке, не дотянуться было. Попытался кулаком нагнуть, я его ножом достал.

– Нож ведь случайно там оказался?

– Ну, так-то да.

– А если бы не оказался, что бы делал?

– Так выкидуха в кармане. Ее просто доставать дольше было.

– С выкидухой против двоих вооруженных?

Дмитрий прислушивался к разговору с явным любопытством.

– А как еще?

– Если на тебя бегут, а ты вооружен, – не жди, блин, успеешь достать ствол или нет, отбегай! – вздохнул я. – Маневрируй. Всегда подставляй левый бок. Если бьют уже – не отмахивайся, прикрывай ствол собой и продолжай его тащить. Я покажу, смотри, – я встал из-за стола. – Вот я здесь, противник... метра три или сколько до него было?

– Три-четыре, это до второго. Первый ближе подойти успел.

– Значит, я левой рукой хватаю свитер... или рубашку как у тебя, за полу, поддерживаю ее вверх, смотри, – я начал медленно показывать. – И при этом двигаюсь в сторону, не боюсь даже спиной повернуться, лишь бы прикрывать собой оружие и основную руку. Даже если навалился – тащу ствол, – я, горбясь и почти пополам согнувшись, медленно вытащил «кимбер». – И вот так, все еще прикрывая собой, стреляю в упор. Или сблизил. Никакой амулет на такой дистанции не работает, кстати. А в упор ты еще в него всю струю газов запустишь.

– Он мне по голове по-любому успевал дать. А там товарищ немаленький был.

– И что? – я даже возмутился. – Нагни голову, напряги шею, не подставляй лицо – и что дальше? Там же кость, только руки отобьет. Ты знаешь, почему человека в драке неопытного нокаутируют? Потому что он голову от плюхи старается держать подальше. То есть тянет шею и подставляет подбородок. А надо ее наклонять вперед, подставлять лоб и держать как можно ниже. Пусть бьет, это теперь его проблема, – я вновь вздохнул. – Раз ударит, два – с третьего ты его застрелишь. Нокаут – это всегда неожиданный удар, если удара ждешь – хрен кто тебя так запросто вырубит.

– Я сумку же быструю купил, – напомнил он мне.

– А ты с ней практиковался? – я ткнул его пальцем в грудь. – Вот только честно? Я просто уже личную статистику собрал: на тебя уже и раньше нападали, и ты не разу не смог вовремя вытащить ствол. Потому что он каждый раз у тебя хрен знает где и доставать ты его не умеешь.

– И что делать будем?

– Будешь ко мне на курсы ходить по вечерам, – я убрал пистолет в кобуру и сел обратно за стол. – Потому что иначе тебе оружие просто не нужно. Я все это умею – и все равно каждый день хоть десять минут, но практикуюсь. А ты ствол купил, а стрелять не купил. Пулевая стрельба в тире «Динамо» меткость дает, но больше ничего.

Я и вправду возмутился. Ну какой смысл вооружаться, если ты это все применить вовремя не можешь? Хотел и дальше продолжать высказываться, но тут прямо у окон остановилась машина, казенного вида «хантер» с мигалкой на крыше, следом подъехала грязная «нива» с эмблемой «Форт-Логистка» на борту. Двери открылись, с заднего сиденья выбрался невысокий мужик в вязаной шапочке-подшлемнике, с ним вышли еще двое, вооруженные.

– Это кто?

– Гельман, – мне показалось, что он произнес это с облегчением. – Доложили уже, значит.

Когда Гельман вошел в бар, я его узнал – видел разок на стоянке перед штабом Патруля. Он у них за зампотылу там, а теперь еще и Хмелю теневой партнер.

Подошел к столику, поздоровался, потом спросил у Славы:

– Где можешь тет-а-тет организовать?

– Пошли вниз, – сказал Хмель. – Сюда народ сейчас подтянется.

Они ушли, а я тоже сел за рапорт, попутно попивая пиво под пирожок. Все же голодный.

Хмель

28 апреля, вторник

Лучший способ отвлечься от нелегких раздумий – занять себя делами. Так и поступил. Поначалу просто руки опускались, но понемногу втянулся. Осколки стекла подмел и в мусорное ведро выкинул, незамеченные брызги крови подтер, сдвинутые столы по своим местам расставил. Потом приехал Иван Грачев, и мы открыли бар.

А почему нет? Нельзя от всех закрыться и надеяться, что пронесет. Не пронесет, факт.

Когда я уже позвонил плотнику и договорился о замене простреленной филенки, подъехал автомобиль Гордеева. Накормил его с Митей завтраком, рассказал о случившемся, ожидаемо выслушал кучу советов о том, как вести себя в подобных обстоятельствах.

Возмущаться нотациям не стал: если начистоту, все было по делу. Так уж получилось, что при обучении в Братстве упор делался на несколько иные вещи. Чего нам точно не преподавали – так это индивидуальной огневой подготовки. Лишним не будет.

Потом пожаловал Гельман. Заместитель начальника Патруля захотел общения наедине, и я отвел его в подвал. Артем с интересом оглядел сводчатый потолок, баки и котлы, потом улыбнулся.

– Первый раз здесь.

– Пиво будешь?

– Нет, я поговорить...

– Подожди, – остановил я его, взял собранный Саней-чародеем детектор и прошелся по комнате, выискивая возможные подслушивающие устройства. Ничего не обнаружилось. – Чисто.

– И часто жучки в пивоварнях ставят?

– Так и похищают пивоваров не каждый день.

– Логично. – Гельман расстегнул пальто и убрал его на вешалку, потом уселся за стол и указал мне на место напротив. – Рассказывай.

Я с обреченным вздохом начал в очередной раз описывать утренние события, но, как оказалось, само по себе нападениенисколько Артема не интересовало.

– Брось, Слава! – отмахнулся он. – Ты это дружинникам заливай, они такое любят.

– Не понял, – насторожился я.

– Меня не интересует «как», меня интересует – «кто» и «зачем». Кто на тебя наехал, Слава?

– Понятия не имею, – ответил я, особо даже не покривив при этом душой.

Гельман забарабанил пальцами по столу.

– Так дела не делаются, – заявил он некоторое время спустя. – Есть устоявшийся порядок действий. Если ты перешел кому-то дорогу, тебе намекнут. Не поймешь намека – объяснят доступно. И лишь потом, повторяю: только после этого! – применяют меры физического воздействия.

– Да ладно!

– Пойми, Слава, весь Форт давно поделен на сферы влияния. Поломаешь мелкого коммерсанта, а он под серьезными людьми ходит. И не напрямую, не очевидно, а через десять прокладок. Себе дороже. Так больше не делают.

– Прямо Семера церемониться станет.

– Ты мне зубы не заговаривай! Меня всякая босота не интересует! – разозлился Гельман. – Скажи, намеки были?

– А ты с чего всполошился?

– Не считая того, что штаб на тебя оформлен?

– Ну да. Не считая.

– А дело в том, Слава, что намеки могли быть не только тебе адресованы. Или вообще не тебе. А мне. Об этом не думал?

Я откинулся на спинку стула и задумался. Определенный резон в этих словах был.

– У тебя неприятности, Артем?

– Если не заметил, я на себя неплохой бизнес перевел. Многие на него облизывались, Хмель. Очень многие.

– А я тут при чем?

– А на кого здание оформлено, где «Форт-Логистика» базируется, а? Мы теперь в одной лодке.

Я кивнул. Действительно – в одной.

– Ладно, – вздохнул я. – Были намеки. Но о-о-очень тонкие. Я их не понял.

– Так, может, они были не тебе? Излагай!

Но ни патрон на капоте, ни спущенные колеса ничего Гельману не сказали.

– Ерунда какая-то, – пробормотал он, задумчиво глядя куда-то в сторону.

– Ерунда, – подтвердил я. – По мне, должен был последовать еще один... намек, а никак не налет.

– Думаешь, разные люди?

– Ничего не думаю.

– А стоило бы! – подался вперед Гельман. – Думать далеко не столь вредно, как об этом говорят. Я бы даже сказал – полезно! Хотя бы иногда!

– Не кипятись, Артем, – вздохнул я. – Думал я, думал. И даже к тебе приходил по этому поводу, так?

Заместитель начальника Патруля удивленно хмыкнул.

– Так ты на Ханина грешишь?

– А на кого еще? Только с ним разошлись, сразу начались... намеки.

– Ханин бы на тебя труп повесил.

– У соседа подвязки в Дружине, отмазали бы.

– А Селин? – выдвинул новую версию Гельман. – Беспокойные ребята, могли тебя крутить начать.

– Крутить – могли. Налет зачем устраивать?

– Да, не вписывается, – подтвердил Артем. – Значит, нет идей?

– Нет. Но если к тебе придут с разговорами, ты не забудь, что мы в одной лодке, да?

– Я тебя умоляю, Слава! Когда я забывал о друзьях?

– У тебя есть друзья? – не удержался я от укола.

Гельман поднялся из-за стола и снял с вешалки плащ.

– Смешно пошутил, смешно, – обернулся он, застегивая пуговицы. – Мой тебе совет: прими сто грамм и ложись спать. Не у всех есть чувство юмора, знаешь ли.

– Приму к сведению. Пиво возьмешь?

– Нет, спасибо. Коньяк предпочитаю. Держи меня в курсе, хорошо?

– Меня бы кто в курсе держал. Я послезавтра до конца недели уеду, в понедельник с утра вернусь только, наверное.

– Не пропадай, – напутствовал меня Артем Гельман и взбежал по лестнице, покидая подвал.

Я поплелся следом и даже вышел попрощаться. Уже на крыльце заместитель начальника Патруля указал на «ниву» с эмблемой «Форт-Логистика» и предупредил:

– Ребята постоят тут на виду сегодня-завтра.

– Тоже намек?

– Именно.

Гельман укатил, я вернулся в бар и подсел к Николаю и Дмитрию.

– Ну что? – спросил Гордеев.

– Ничего, – покачал я головой. – Боится, как бы это не из-за раздела наследства Жилина пожаловали.

– А могли? – удивился Митя.

Я задумался об этом, но сразу покачал головой:

– Нет, не могли, – и поднялся из-за стола. – Ладно, пойду показания оформлю, Кузьминок обещал человека вечером прислать. Если что, позже поговорим. И это... там «нива» стоит, не обращайтесь внимания. Гельман оставил.

– А смысл? – удивился Митя. – Если что, в машине их и положат.

А вот Клондайк о мотивах Гельмана догадался сразу.

– Это для тех, кто колеса спустил, так? – предположил он.

– Именно, – кивнул я и отправился искать ручку и чистую бумагу. Проходя мимо стойки, вдруг вспомнил о словах приезжавшего с контрразведчиками колдуна и повернулся к помощнику. – Да, Ваня, представляешь, меня ведь браслет сегодня спас. Не говорил?

– Отлично! – обрадовался Грачев. – Передам девчонкам.

– Передай, – кивнул я. – А еще передай, что сработавшая нить могла нарушить узелки, и выброс энергии оставил бы меня без руки.

– Ох ты, блин...

– Вот тебе и блин. Так что и благодарность передавай, и для размышления информацию.

– Но завтра им подходить?

– Обязательно! – похлопал я по плечу приунывшего помощника. – Обязательно пусть подходят, хрен я без такой защиты теперь из дома выйду...

Клондайк

28 апреля, вторник

Проспал я часов до четырех вечера. Будильник тянул меня из сна минут десять, наверное, в три приема, но я все же поднялся, мотая головой и пытаюсь вернуться в нормальный мир из царства Морфея. У меня с дневными пробуждениями всегда так. Огляделся, вылез из-под одеяла, убедившись, что в моей тесной студии вполне даже тепло. Отопление работает как раньше, но вот за окном уже весна.

Поплелся в душ, долго стоял перед зеркалом, размышляя на тему «бриться – не бриться». Брился я вчера, сегодня уже щетина, но если ее соскоблить, то не получится побриться завтра утром – не вырастет. Поэтому плюнул и бриться не стал, хоть со щетиной ходить и не люблю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.